

Алекс Мома

Лекции по гностицизму в Колледже Телема-93

Лекция I

План лекции

1. Основная литература по гностицизму на русском языке.
2. Уточнение понятий "гнозис" и "гностицизм". Раннехристианский гнозис как основная ветвь т.н. "доникийского" христианства.
3. Раннехристианские (или "ранние гностические") источники, сохраненные Маркионом. Причины последующей фальсификации этих источников в свете формирования раннехристианской ортодоксии во II-IV вв.
4. Т.н. "ересиологическая" литература: Иринеи Лионский, Ипполит, Епифаний Кипрский, Евсевий. "Раннехристианские интеллектуалы" на службе у нарождающейся ортодоксии: Климент и Ориген.
5. Способ формирования т.н. "новозаветного канона" на основе раннехристианских ("гностических") текстов. Основные российские и зарубежные исследования, посвященные формированию канона.

Лекция

1. Субъективно отобранная мною по степени своей важности русскоязычная литература (в хронологическом порядке). Хочу особо оговорить, что в список не включена литература, посвященная преимущественно нео- и пост-гностическим течениям, выходящая на русском языке.
 - a) М.К. Трофимова. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. Аналитические материалы и переводы текстов (здесь и далее - с коптского) из т.н. Библиотеки Наг-Хаммади: Евангелие от Фомы, Книга Фомы-Атлета, Толкование о душе, Евангелие от Филиппа.
 - b) Апокрифы древних христиан. М., 1989. В сборник входят как "новозаветные", так и гностические апокрифы и их аналитика. В числе гностических апокрифов (все в переводе М.К. Трофимовой) - ключевой для нашей традиции текст Апокриф Иоанна, а также Евангелие от Фомы, Евангелие от Филиппа, Гром Совершенный Ум, а также Евангелие от Марии из Берлинского Папируса 8502.
 - c) А.Л. Хосроев. Александрийское христианство по данным текстов из Наг-Хаммади. М., 1991. В книгу входят анализ и переводы текстов: Подлинное Учение (или Подлинное Слово), Поучения Силуана, Свидетельство Истины, Толкование о Душе.
 - d) Pistis Sophia // Е.П. Блаватская. Скрижали Кармы. М., 1995 и множество переизданий.
 - e) Юрий Николаев ("он" же - Юлия Данзас). В поисках божества. Очерки из истории гностицизма. Киев, 1913 \ 1995.
 - f) Е.Б. Смагина. Евангелие Египтян // Вестник Древней Истории, №2, 1995.
 - g) А.Л. Хосроев. Из истории раннего христианства в Египте (на материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади). М., 1997. В сборник входят преимущественно аналитические материалы, есть великолепная библиография и выполненный автором перевод гностического текста "Апокалипсис Петра".
 - h) Ганс Йонас. Гностицизм. СПб., 1998. Перевод с немецкого "программной" книги видного немецкого исследователя темы, с предисловием Е.В. Торчинова.
 - i) А.И. Еланская. Изречения египетских отцов. 2-е издание. СПб., 2001. Помимо текстов "новозаветной" традиции в книге переведены и проанализированы гностические тексты Ипостась архонтов, О происхождении мира, Апокалипсис Адама, Троеобразная Протеннойя.
 - j) А.И. Еланская. Премудрость Иисуса Христа. Апокрифические беседы Иисуса с учениками. СПб., 2004. Опубликован огромный гностический трактат Pistis Sophia (Кодекс Эскью), текст

София Иисуса Христа (или Премудрость Иисуса Христа) - краткая версия из Берлинского папируса 8502, краткая версия "Апокрифа Иоанна" из того же папируса (длинную см. в издании b).

к) А.С. Четверухин. Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502. СПб., 2004. В книгу вошли перепечатки коптских оригиналов, дословный перевод и анализ (преимущественно лингвистический) всех текстов Берлинского папируса: Апокриф Иоанна, Евангелие от Марии, Премудрость Иисуса Христа, Деяние Петра. Чрезвычайно объемное, интересное и содержательное предисловие, касающееся как истории гностицизма в целом, так и истории публикуемых текстов. В конце - обширный глоссарий. Книга также может быть использована как хрестоматия для изучения коптского языка и закрепления знаний языка греческого.

л) В.Н. Нечипуренко. Евангелие от Фомы. Ростов-н-Д., 2007. Перевод и никем ранее в России не производившийся подробный и тщательный анализ этого документа (с параллельным коптским текстом).

м) Афонасин Е.В. Гносис. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2008. Аналитическая книга (в более краткой версии издавалась в 2002 году, вместе с изданием "Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства"). В книгу входит обширный аналитический материал, а также переводы случайно дошедших до наших дней (причем дошедших благодаря "ересиологам") фрагментов не коптскоязычных текстов - в частности, фрагментов Василида и Валентина.

н) Д.А. Алексеев. Евангелие Истины. Двенадцать переводов христианских гностических евангелий. Ростов-н-Д., 2008. В сборник входит, без преувеличения, программная статья автора и переводчика - "Античное христианство и гностицизм", с мыслями которой, в отличие от мыслей, изложенных во всех вышеперечисленных источниках, кроме источников d и e, лично я целиком и полностью солидарен. Кроме того, там опубликован единственный на сегодняшний день аутентичный перевод с коптского языка опубликованного в 2006 году в США в виде факсимиле гностического (Кодекс Чакас) Евангелия Иуды. Также в сборник входят 9 текстов из Наг-Хаммади, ранее не издававшихся по-русски в печатном виде: Евангелие Истины, Беседа Спасителя, Послание Петра к Филиппу, Апокриф Иакова, Первое Откровение (Апокалипсис) Иакова, Второе Откровение (Апокалипсис) Иакова, Слово о Воскресении (Послание к Регину), Послание Евгноста (в западных изданиях - Блаженный Евгност), Мысль Великой Силы (в западных изданиях - Мысль Нашей Великой Силы). Кроме того, в сборник входит Книга Величия Отца (так называемый "Текст без названия из Кодекса Брюса") и Гностический псалом (пер. с греческого). Книга снабжена исключительно обстоятельными комментариями к каждому тексту, преимущественно религиоведческого плана (что нам с вами и нужно).

Также хочу вам предложить материалы, как минимум, двух сайтов: ["Гностицизм"](#) и ["Страничка о гностицизме"](#) Дмитрия Алексеева. На "Гностицизме", например, вы можете найти русские переводы текстов (в том числе мои), которых пока нет в книжном виде. Они, в основном, не академические, а сугубо любительские, но пока это лучше, чем ничего. Кроме того, в Живом Журнале у нас есть [свое собственное сообщество](#), где некоторыми его участниками выкладываются интересные аналитические материалы.

Если у вас не будет времени на то, чтобы прочитать все вышеперечисленные издания до конца курса, то обязательно прочтите хотя бы Апокриф Иоанна (в издании b или на сайте "Гностицизм", желаящим я могу также выслать электронной почтой перевод Дмитрия Алексеева, т.к. он не возражает) и статью Дм. Алексеева "Античное христианство и гностицизм" (на его веб-странице - внимание! - опубликована лишь краткая версия статьи, поэтому очень советую вам приобрести издание n, которое еще есть в Интернет-магазинах). Однако после окончания нашего курса я настоятельно рекомендовал бы вам постепенно прочитать все перечисленные здесь источники.

2. Уточнение понятий "гнозис" и "гностицизм" вряд ли вообще может быть "объективным", поэтому я просто хочу предложить вам свое видение этой проблемы.

Дело в том, что многие исследователи (например, Тобиас Чертон в своей "Гностической философии" - М., 2008) понимают "гностицизм" слишком широко - как западную

эзотерическую традицию в целом, куда входит огромный пласт религиозной культуры, начиная с платонизма с его сложившимися философией, мистериями и теургией, и заканчивая, уже в XX веке, Телемой. Однако в результате такого подхода мы получаем лишь "умножение сущностей", ведь понятие "западный эзотеризм" не нуждается в синонимах. Поэтому, несмотря на то, что термин "гностицизм" является вымыслом последователей ересиологов-ортодоксов (ранее выдумавших и "гностиков" в целом) и многие исследователи (например, тот же Дм. Алексеев) всё чаще предлагают вообще отказаться от него, я бы предложил понимать под "гностицизмом" раннее христианство, существовавшее как до, так и вне ересеологической, раннеортодоксальной традиции в I-III вв. Т.е. не всякое "доникийское", или существовавшее до Никейского собора 325 г., христианство (поскольку оно включало в себя и ряд "негностических" течений, таких как осужденное Собором арианство), но лишь то, которое имело свои корни непосредственно в учении Иисуса. Что же касается термина "гнозис", то его как раз можно понимать сколь угодно широко, поскольку вне определения (например, "христианский гнозис") оно в принципе не имеет смысла. Ведь "гнозис" переводится с греческого как "знание", а знание, даже за пределами науки - очень широкое понятие.

3. Раннехристианские (или "ранние гностические") источники, сохраненные Маркионом. Причины последующей фальсификации этих источников в свете формирования раннехристианской ортодоксии во II-IV вв.

Весьма курьезно, что многие наши современники, говоря о "христианском гностицизме", подразумевают под ним, главным образом, учения Симона Мага, Василида, Валентина, Маркиона и Карпократа, таким образом, по умолчанию как бы выводя гностицизм за пределы христианского и апостольского контекста. В результате мы просто забываем о том, что основателем "гностицизма" был сам Иисус Назорейнин (который вовсе не был "Иисусом из Назарета", но был, как минимум, близок к секте ранних назореев) и его апостолы. Из апостолов же наиболее, условно говоря, "гностичны" те, именами которых были названы гностические Евангелия: Иоанн, Фома, Филипп, Павел (как мы знаем, пришедший в христианскую общину уже после ухода Иисуса из нашего мира, но оставивший после себя первые в истории письменные свидетельства о новой религии), Петр, Иуда Искариот и Матфей (новозаветное "Евангелие от Матфея" не имеет к апостолу Матфею и его несохранившемуся Евангелию никакого отношения). Однако при этом Симон Маг, скорее всего, вообще сугубо мифическая личность, а Валентин и Василид являлись лишь раннехристианскими экзегетами, действовавшими вне зарождавшейся уже при их жизни церковной или католической ортодоксии. Т.е. вся их огромная космология (именуемая также "эзонологией"), мистериальные обряды и богослужебная ритуалистика, о которой до нас дошли лишь отрывочные сведения, и иногда весьма непростое учение о спасении души (сотериология) были отнюдь не чем-то самодостаточным, но лишь попытками дать развернутое истолкование тем очень ранним текстам христианства, которые были написаны не позднее I-го - начала II-го веков и, следовательно, написаны задолго до их собственных творений. К этим раннехристианским текстам теперь и перейдем.

Маркион Синопский не был, в отличие от Карпократа, Валентина и Василида, даже серьезным, "академическим" христианским экзегетом, если не считать его книги "Антитезы" (~ 144 г.), являющейся, скорее, компендиумом полемических заметок. Как сообщают о Маркионе позднеантичные авторы, он прибыл в Рим в 40-е годы II века. В то время в Риме, городе весьма немаленьком, существовала, пожалуй, наиболее крупная христианская община в мире. По всей видимости, до Маркиона, богатого судовладельца и коммерсанта, имевшего широкие возможности и для комфортных и дальних путешествий, и для копирования очень дорого тогда стоивших книг, дошла информация о том, что римские христиане в своей вероисповедной практике используют какие-то странные письменные (а то и устные) источники или просто не понимают смысла тех книг и папирусов, которыми пользуются. И, отправляясь в Рим, он решил захватить с собой копии книг зарождавшегося с его помощью христианского Священного Писания. Это были, по свидетельствам "ересиологов", следующие книги: "Апостол", куда входили 10 посланий апостола Павла (к Галатам, 1-е и 2-е к Коринфянам, к Римлянам, 1-е и 2-е к Фессалоникийцам, к Лаодикийцам, или к Ефесянам в его новозаветной редакции, к Колосянам и к Филимону), а также "Евангелие Господне"

(напоминающее современное новозаветное "Евангелие от Луки"), 24 (!) книги Комментариев на которое и написал впоследствии Василид.

Т.е. Маркион отнюдь не "выдумал Евангелия и Послания" и не "сократил имеющиеся христианские тексты", но лишь провел кропотливую работу по сбору подлинников этих текстов под одной, точнее, под двумя "крышами". Надо заметить, что римляне не оценили по достоинству этого шага Маркиона, и очень скоро он был изгнан из римской общины, затем якобы "дважды раскаялся", и ему даже, как утверждают "ересиологи", якобы вернули ту огромную сумму, которую он пожертвовал на нужды общины - 200 тысяч сестерциев. Скорее всего, однако, ему не вернули ни копейки, а деньги "проели и пропили". Ортодоксы всегда прибегали к разного рода лжи, мистификациям и крупномасштабному воровству - почему же мы теперь должны верить их утверждениям о "возврате денег", да еще и человеку, с которым они так обошлись?

Тексты сохранных Маркионом подлинных раннехристианских документов дошли до нас не только благодаря церковному историку-ортодоксу Епифанию и ортодоксальному, так сказать, "философу", ненавидевшему всякую философию и открыто говорившему об этом - Тертуллиану, но и благодаря нашим почти современникам - ученым XX столетия, немцу Адольфу фон Гарнаку, опубликовавшему в 1922 \ 24 гг. труд "Маркион. Евангелие о чуждом Боге", где в Приложении почти восстановлен текст Евангелия Господа и "Апостола", а также благодаря вышедшей в 1924 \ 26 гг. работе француза Поля-Луи Кушу "Первое издание Святого Павла". Именно Кушу, который, в отличие от Гарнака, весьма скептически относился к подлинности новозаветной версии посланий Павла, и смог убедительно и строго научным образом доказать, что именно опубликованные Маркионом тексты Павла и были аутентичными, первоначальными, не искаженными. Русский перевод этой статьи, как и ряда других статей по "маркионитской" теме, есть на "Страничке о гностицизме" Дмитрия Алексева. Таким образом, "еретиками", или отступниками от изначальных текстов, были как раз не "гностики" и Маркион, но фальсификаторы христианских текстов, в конечном итоге, наспех состряпавшие "Новый Завет".

Чем же отличались подлинные послания Павла и подлинное Евангелие от их новозаветных версий?

Во-первых, Послания Павла отличались своим количеством: в Новый Завет были, под видом других посланий Павла, включены также тексты, никогда не принадлежавшие ему (два "Послания к Тимофею", в первом из которых упоминается... живший почти на столетие позже св. Павла Маркион - в форме отсылки к его "Антитезам", а также "Послание к Евреям" и "К Титу").

Во-вторых, как Евангелие, так и Послания были лишены каких-либо "позитивных" ссылок на ветхозаветный иудейский Закон и всякого рода сентенции в духе "не пройдет ни одна черта Закона" или "спасение от иудеев", т.е. в них не было более поздних и невероятно назойливых попыток "скрещивания ежа с ужом" - иудейского племенного божества Яхве, отличавшегося, согласно буквально прочитанным ветхозаветным книгам (не забудем об огромном эзотерическом пласте в иудаизме, включающем, например, Каббалу и ее ранние прототипы), невероятной суровостью и никогда "на самом деле" не претендовавшего на то, что он есть Верховный Бог-Отец всего сущего во Вселенной, как материальной, так и нематериальной, и вестника Благотворного Отца - Иисуса Назорейянина, прозванного, по имени одного из небесных эонов, Христосом, или благим, и чья миссия и Благая Весть как раз и заключалась, главным образом, в том, чтобы, "отбросив" Яхве и его чрезмерно суровый Закон, открыть иудеям Подлинного Бога и Его весть о спасении падшего в мир человечества.

И здесь нам необходимо сказать о причине последующей фальсификации текстов, привезенных в Рим Маркионом. Дело в том, что римская община, существующая в центре крупнейшей мировой империи, раздираемой распрями и восстаниями, состояла (особенно после былых кровавых репрессий со стороны римского "императорского дома", уничтожившего ее лучшую и честнейшую часть) отнюдь не из "блаженных, которые чисты сердцем". Ее костяк был теперь озабочен тем, как интегрировать новую христианскую религию во власть, чтобы власть не только перестала бы ее жестоко преследовать, но и поделилась бы с ее "первосвященством" и его многочисленной челядью своими привилегиями

и обширными полномочиями, как много ранее она делала это по отношению к первосвященникам Иудеи. А для такой интеграции проповедь "благодати в чистом виде", которую несло с собой самое раннее христианство, вряд ли сгодилась бы: эту проповедь, по мысли римских "христианских" интриганов, необходимо было разбавить столь близкой императорскому дому религиозной и идеологической суровостью "экзотерического", т.е. буквально прочитанного (что и делали почти все его адепты) корпуса иудейских Писаний и иудейского Закона.

Но почему именно иудейского, если мы говорим о достаточно далеко отстоящем от Палестины Риме и его властях? Не будем забывать о том, что христианство как таковое возникло именно как диссидентская секта Иудеи, противопоставлявшая себя именно "иудаизму иерусалимских первосвященников", которая лишь позже, на стадии формирования "новозаветного канона", превратилась из крупной секты диссидентов в зримый прообраз мировой религии, уже лишь немногим отличавшейся от тех, с кем она боролась, еще будучи сектой (а впоследствии, во II - III вв., группой сект). Таким образом, именно в Риме, в 40-е - 50-е гг. II века, но никак не раньше, и начала организационно и осознанно оформляться христианская католическая ортодоксия, противопоставившая себя былой, раннехристианской гетеродоксии, или христианскому полицентризму (возродившемуся в полный рост в своей, уже иной по сути, "новозаветной" версии лишь с появлением Лютера и христианского протестантизма в XVI-XVII вв. и далее, т.е. с разрушением многовековой католико-православной биполярности ортодоксально-христианского мира).

Постепенно, в течение всей второй половины II века, всего III-го и первой четверти IV веков эта ортодоксия начала захватывать общину за общиной в христианском мире (особенно в римских колониях), и, по всей видимости, одной из первых ее идейному и политическому влиянию покорилась община галлийского города Лион, в котором жил и служил местным епископом некто Иринея.

4. Т.н. "ересиологическая" литература: Иринея Лионский, Ипполит, Епифаний Кипрский, Евсевий. "Раннехристианские интеллектуалы" на службе у нарождающейся ортодоксии: Климент и Ориген.

Итак, Иринея Лионский хронологически был первым "ересиологом" из числа ортодоксов, чьи труды дошли до нас. Свои пять книг "Против ересей" он написал не позднее 188 г., т.е. спустя более чем сорок лет после "разоблачения" Маркиона; слишком долго ортодоксы копили силы для полномасштабного "ответного удара" здравомыслящим христианам; в 40-е гг. II в. они были еще "почти младенцами"... Не следует забывать, что при всей лживости и вздорности лично Иринея и ему подобных "ересиологов" (лживости, отмеченной даже склонной к теософскому мышлению Юлией Данзас, которая в целом была ортодоксальным человеком), обвинявших "гностиков" во всех мыслимых и немыслимых смертных грехах, вплоть до конца XIX века их "бог вдохновенные труды" были единственным источником, по которому широкая читающая публика вообще могла узнать хоть что-то о т.н. "гностицизме" первых веков нашей эры" (по крайней мере, это касалось западной публики, и в особенности после обнаружения в 1851 году "Философумен" конца II-го - начала III-го века, написанных Ипполитом, которого Алистер Кроули, например, даже включил в чин почитания своей Гностической Мессы).

Что касается гностических учителей, которым я собираюсь посвятить отдельную лекцию, то без трудов "ересиологов", но с опорой только на имеющиеся гностические тексты, мы сейчас не знали бы о них вообще ничего. Кроме того, я бы даже очень коротко (как в этой лекции) не стал останавливаться на их "трудах" (в отличие от огромного большинства моих коллег-исследователей, обожающих даже без особой нужды "копаться" в этой малопривлекательной теме), поскольку я привык работать с аутентичными гностическими текстами, которых теперь уже найдено и издано немало. Но я всё же решил сделать это - как ни странно! - из солидарности с ересиологами, которые в России оказались нам, здешним "гностикам", товарищами по несчастью: так же, как и наши тексты, их не очень-то сейчас издают на русском языке, как не особо их издавали и в "царское", и в советское время. Почему?

Дело в том, что, возможно, помимо своей воли, они "выбалтывали", хотя и изрядно искажая и вульгаризируя, немало информации о реальных доктринах - если не отдельных "еретических

сект" (большинство из которых, как и персонажи типа Симона Мага и "учителя Маркиона" Кердона, я полагаю, были ими просто выдуманы, т.к. нигде в сохранившихся текстах нет и намек на упоминавшихся ими "архонтиков", "офитов", "каинитов", "барбелоитов" и тому подобной чуши), то информацию о доктринах "гностиков" в целом. Т.е. они, таким образом, занимались именно тем, что "товарищ Сталин" назвал бы "протаскиванием чуждой нам доктрины под видом ее критики".

И вот здесь Ириней, например, демонстрирует неплохую осведомленность, по части, по крайней мере, азов гностической космологии и сотериологии. По всей видимости, он читал ключевой текст нашей традиции - Апокриф Иоанна - еще в одном из его греческих подлинников (тогда как до нас дошли, в т.ч. благодаря обнаруженным в Наг-Хаммади кодексам, четыре его коптских версии), поскольку в первой книге своей "пенталогии" Против Ересей он весьма близко к тексту пересказывает его содержание.

Таким образом, благодаря Иринею, Ипполиту, Епифанию (автору знаменитого "Панариона", или "Аптечки" - против "ересей"), Евсевию (даже с его бесконечными и вздорными обличениями гностических "безнравственных ритуалов и оргий"), Тертуллиану (особенно его трактату "Против валентиниан", так и не увидевшему ни одного русского издания), а также куда более хорошо образованным и тактичным, нежели вся эта малопочтенная публика, Клименту Александрийскому (вспомним его весьма увесистые "Строматы") и Оригену (в частности, с его трактатом "Против Цельса"), Филастрию, "Псевдо-Тертуллиану" и ряду других, намного менее известных и потому тем более никогда не издававшихся в России "товарищей" мы хоть что-то знали бы о христианской гетеродоксальной традиции даже в том случае, если бы по сей день ни одного аутентичного "гностического" текста так и не было бы обнаружено и исследовано.

Заметим в скобках, что умение изрядно тяготевших к ортодоксальности раннехристианских интеллектуалов, Климента и Оригена, хотя бы более прилично себя вести и относительно внятно и корректно излагать как свои доктрины, так и критикуемые ими доктрины "гностиков", и побудили более "отмороженных", чем они, ересиологов противопоставлять явно или по умолчанию "лжеименной гнозис" (термин Ириней) "подлинному" христианскому гнозису, отчетливо имея в виду, как минимум, школу высокоученого, но, видимо, не страдавшего особым, подлинно христианским нон-конформизмом, Климента.

Итак, согласно ересиологам и, главным образом, Иринею, с которого многие из его последователей беззастенчиво "срисовывали" свои эскапады, и "среднеарифметические" выкладки которых я стараюсь здесь использовать, в центре гностического мировоззрения находится подлинный божественный мир, или Плерома, во главе которой пребывает традиционно описываемый в терминах т.н. "апофатического богословия" Непостижимый (и андрогинный) Отец, у которого может быть множество эпитетов, но которого нельзя постичь, причем не только на вербальном уровне, но вообще. Плерома (греч. Полнота), сущности которой он эманировал из себя в силу избытка собственной энергии, состояла из андрогинных (двуполых) божеств, или эонов как пространственно-временных энергетических сгустков непостижимой сущности, причем одним из этих существ была София (Божественная Мудрость), а ее сизигием, или небесным супругом - Хрестос (Благой).

Мир божественной Плеромы - это мир совершенно самодостаточный; его божества, в противовес буквально воспринятым ортодоксами от иудаизма персонажам библейской "Книги Бытия", вовсе не стремятся "сотворить мир, небо и землю", да еще и за 7 дней. То есть они совершенно не несут ответственности за сотворение мира, или Низшего Хаоса (который, будучи прото-материей, столь же вечен, как и Дух, исходящий из Плеромы, на что намекает Апокриф Иоанна) и за такую структуризацию и упорядочивание этого Низшего Хаоса, которая позволила, в конечном счете, поселить в нем человека, по сей день расхлебывающего такое "благодаяние" по отношению к себе.

Т.е. "Бог-Отец" и его "свита" совершенно не несут ответственности за наш с вами "злой", материальный мир и за то зло, что возникло уже в рамках этого мира и по отношению к нам, живущим в нем. А ответственность за это зло несет отпавшая от Плеромы и, в первую очередь, от своего собственного супруга-сизигия ее "крайняя" сущность, София, и все те "ангельские" демиургические существа, которые она породила. А они уже породили наши "низшие души"

и заставили нас, в результате этого, жить в плотном мире, в рабстве у судьбы, пространства и времени, у рождения, болезней, страданий, старости и смерти.

Строго говоря, "гнозис" - это комплексное, многосоставное знание о том, как отыграть эту ситуацию назад, как добиться торжества божественной части нашей природы над низшей, "тварной" = сотворенной ее частью, чтобы не "до следующей жизни", но навсегда покинуть этот чуждый нашей подлинной, высшей природе мир. И знание это, по крайней мере, в практической своей части, дошло до нас лишь в виде очень слабых отголосков. Гностические источники сознательно уничтожались окрепшей и "пришедшей к власти" в христианском мире ортодоксией.

Здесь, пожалуй, пора отступить от "близкого к тексту" изложения ересиологов. Боюсь, что на этой стадии объяснения сути гностической доктрины нам будет не избежать некоторых "вульгарных аналогий", впрочем, часто свойственных "притчевой" евангельской традиции как таковой.

Говоря о неответственности Всевышнего Бога за зло мира сего (как известно, именно обратная точка зрения является главным идеологическим фундаментом нынешнего массового атеизма) и за наше бытие внутри этого зла, хочу предложить вам следующую аналогию. Представьте себе, что Всевышний Бог, или Первый Отец, - это некая чрезвычайно мощная электростанция. Скажите, а может ли эта электростанция или ее операторы (существа Плеромы) быть ответственными за то, как использует их электроэнергию потребитель, проживающий в Москве, по ул. Братиславская, в д. 6, кв. 399 и использующий это электричество, допустим, для перегонки некачественного самогона, да еще и с нарушением всех правил электробезопасности? Конечно, он (они) в этом не виноват(ы). Более того, в этом не виноваты и почти все посредники, передающие ему электричество. Кроме, разве что, самого последнего из них - ДЭЗа, который мог бы, как минимум, поинтересоваться причинами энергетического "перерасхода" и постоянными скачками напряжения в подъезде. И еще, пожалуй, несколько его "вышестоящих контролирующих инстанций", что, впрочем, уже спорно.

Вот и Бог ни в чем подобном не виновен.

Далее, представьте себе, что "Плерома" - это вагон-люкс комфортного скоростного поезда с одноименным названием, который едет куда-то очень давно, но пассажиры-обитатели которого вовсе не ждут "конечной остановки", а беззаботно проводят время в мирных беседах друг с другом где-нибудь в вагоне-ресторане, вкушая деликатесы и великолепные напитки, которые им вполне по карману; в их купе чисто, там постелено свежее белье, там бесшумно работают кондиционеры, и поэтому нет жары и духоты, как за окнами, где проносится некий маловразумительный пейзаж полупустынной и безлюдной местности, окутанной маревом. Строго говоря, когда едешь с такой скоростью и в таких условиях, тебе вообще не должно быть дела до того, что там "за окном". Там всё тогда воспринимается как что-то ирреальное.

Но у одной из молодых и наиболее романтичных пассажирок этого поезда, которую зовут Софья, и чье имя (да и суть - ведь имя напрямую влияет на суть человека) символизирует любознательность вообще и здоровое любопытство в частности, возникает желание открыть окно (нет, окна, разумеется, не были задраены, иначе это было бы покушением на дарованную Отцом-машинистом свободу пассажиров) и высунуться из него, чтобы "подробнее рассмотреть и послушать, что там". Супруг Софьи, видя ее поползновения, не одобрил их, сказав ей: "Смотри, лучше не делай этого - на такой скорости тебя запросто может сдуть ветром, и ты вывалишься из вагона прямо на насыпь". Однако София была уверена, что, если это и случится, ничего страшного в этом не будет; ведь когда едешь в комфортном вагоне, то и за окном, кажется, нет ничего страшного.

Она дождалась, когда ее непреклонный супруг уйдет спать, открыла окно, высунулась в него и почти моментально вывалилась из поезда наружу. К счастью, не на каменистую насыпь, - это была бы верная смерть, - но в кювет. И вот тут-то, едва успела она прийти в себя, ее охватил ужас: ощущение полного одиночества в незнакомом мире, полной незащитности, полной безвестности. Она была весьма легко одета, а дневная жара буквально за считанные минуты сменилась ветром и холодом сумерек. Она стала звать на помощь, но ее никто не услышал. Во-первых, потому, что поезд ушел уже слишком далеко, во-вторых, беззаботные пассажиры,

на чьей памяти никогда и не случилось чего-то подобного, просто не успели еще хватиться пропавшей Софьи. Конечно, можно просто вооружиться терпением, плероматическим "молитвенником Свету", к счастью, не выпавшим из ее кармана, и ждать, когда поезд поедет назад (что ей, кстати, и пришлось затем сделать). Но ждать не какой-то часто проезжающей мимо местной полуразвалившейся электрички с бомжами, обитающими почти в каждом ее вагоне, а именно трансконтинентального экспресса, который поедет обратно не раньше, чем через неделю (вот вам и "семь дней творения"), - дело нелегкое.

Обладая поистине божественной энергией и силой Духа, Софья смастерила себе небольшой шалаш, как могла, утеплила его и породила своей фантазией и силой ума, чтобы не умереть от скуки и тоски одиночества-в-мире, весьма несовершенные существа-фантомы, которые, впрочем, с каждым днем стали обретать в этой странной местности всё более уродливые "тела", словно маскируясь под нее (и порождать уже свои собственные фантомы, причем, похожие на многих людей из хвостовых вагонов экспресса), чтобы хоть как-то заселить этот чужой и холодный мир, заселить хотя бы по слабому подобию дружного коллектива вечных пассажиров экспресса "Плерома", в котором она когда-то (кажется, это было уже целую вечность назад) ехала.

Через две недели поезд и вправду вернулся за ней; во-первых, потому, что пришло его время снова проезжать здесь (по расписанию), во-вторых, вернувшись, он в нужном месте притормозил и подобрал Софью, благодаря ее мольбам о помощи, услышанных сначала ее светоносным супругом, а затем и остальными пассажирами, а также ее обильной ("ритуальной") жестикуляции. Он подобрал ее вместе с ее порождениями - не бросать же их теперь лишенными согревающего дыхания их матери на произвол пресловутой судьбы. Таким образом, в пустынной и неудобной местности "за окнами" больше снова не осталось обитателей, которых эта местность никогда и не была достойна. Полнота списочного состава пассажиров экспресса (а главное - высшая, милосердная справедливость) была восстановлена. Вряд ли теперь, после всего случившегося, Софье вновь захочется "высовываться из окна". Хотя - это важно подчеркнуть - задривать окна вагонов никто по-прежнему не станет.

Более подробно доктрины гностиков мы рассмотрим, когда будем изучать взгляды их экзегетов второго века и дошедшие до нас гностические тексты, а пока закончим наше более чем аллегорическое повествование и перейдем к более обстоятельному рассказу о формировании новозаветного канона.

5. Способ формирования т.н. "новозаветного канона" на основе раннехристианских ("гностических") текстов. Основные российские и зарубежные исследования, посвященные формированию канона.

Как я уже говорил, тексты будущего Нового Завета были наспех (явно в пылу полемики с "маркионитами" и прочими "гностиками") состряпаны их оппонентами из "кусков" более древних христианских текстов, в которых изначально не присутствовало никакого "иудео-христианского синкретизма". Однако уже намного позже их написания (т.е. после утверждения новозаветного канона как единственно истинного для христианина) эти тексты перестали играть какую-либо полемическую роль и стали, пусть и помимо воли их прямых создателей, инструментами кровавых репрессий против "еретиков", на преследование которых с преследования самих христиан переключились власти Рима (христианские ереси, основанные на текстах, не включенных в новозаветный канон, были юридически приравнены к государственной измене, и уже в 385 году был подвергнут пыткам и казнен первый "еретик" - Присциллиан).

Видный российский исследователь Нового Завета С.В. Лёзов (заметим, скептически относящийся к гностической традиции, что для нас особенно важно) в своем докладе "О происхождении христианства из иудаизма", прочитанном им на философском факультете СПбГУ зимой 2000 года (и который я тогда с удовольствием послушал и задал его автору пару вопросов) говорил: "Согласно преобладающему в науке допущению, до 70 г. "христианское движение" было сектантским направлением внутри иудаизма. Но как раз это не вполне подтверждается документами... Вместо привычной модели, предполагающей постепенное и непрерывное ("некатастрофическое") развитие от палестинской еврейской группы сторонников Иисуса в первое тысячелетие после его гибели - через промежуточные этапы - к

judenfrei церкви язычников в конце первого - первой половине второго вв., к церкви "кафолических посланий" НЗ, Игнатия Антиохийского, Юстина Мученика и др., я бы предложил модель, в центре которой - представление о разрыве постепенности, "непроисхождение". (См. также его книгу "История и герменевтика Нового Завета", М., 1996.)

Касаясь вышеупомянутой традиционной, точнее, так или иначе детерминированной конфессионально (и атеизм здесь - не исключение) науки, отметим, что она опирается на те представления о формировании синоптической новозаветной традиции, согласно которым Евангелия от Марка, Матфея и Луки "произошли" из общего для них протографа, таким образом, эти три Евангелия - три версии одного текста, и первично здесь Евангелие от Марка (якобы созданное в 80-е гг. первого столетия), тогда как Матфей и Лука созданы на основе Марка и так называемого "источника Q", напоминающего гностическое Евангелие от Фомы. Однако, опираясь, в частности, на исследования американца Чарльза Уайта ("История христианской религии до двухсотого года", 1900, русские фрагменты опубликованы на вышеупомянутой "Страничке о гностицизме") и на работу Джона Нокса "Маркион и Новый Завет" (1942), мы можем утверждать, что первым из новозаветных Евангелий было как раз Евангелие от Луки, представляющее собой более пространную версию сохраненного Маркионом изначального Евангелия Господа. Два прочих синоптических Евангелия, как и Деяния Апостолов, где на основе фантазий Иринея и ему подобных была, в том числе, выведена своего рода карикатура на Иисуса - Симон Маг - были написаны уже "по следам Луки", который, как и Марк и "Матфей", скорее всего, никогда не существовали как реальные личности, и эти Евангелия, таким образом, были написаны "группой товарищей". Не забудем, что согласно сохранившимся отзывам о древнехристианском "Евангелии от Матфия" оно не имело почти ничего общего с современным "Матфеем". Все три Евангелия были созданы, таким образом, не ранее второй половины второго века, а вовсе не в "восемидесятом году нашей эры и в последующие годы".

Несколько больше повезло новозаветному "корпусу Иоанна" в целом и Евангелию от Иоанна в частности. Эти тексты в значительно меньшей степени подверглись редакторской правке, и потому даже невооруженным глазом видна их, в общем и в целом, "гностическая суть". Например, интересно начало повествования Иоанна: "В начале было Слово..." и т.п. Здесь уже содержится антитеза библейской космологии в виде Книги Бытия, и апостол-гностик Иоанн (как и в своем Апокрифе Иоанна) как бы говорит своим читателям: "Смотрите, ортодоксальные иудеи даже в области космологии начали объяснение миротворения не с того, с чего надо было начать, т.е. не с нуля (Отца) и не с единички (Логоса), но с девятки (явленный Моисею на земле Яхве), и т.п.

Причина, по которой ортодоксы и прислуживавшие им ересиологи так и не решились как следует исковеркать изначальный текст Евангелия от Иоанна (хотя их "толкователи" немало преуспели в искажении подлинного смысла многих его ключевых фраз, вроде обращенной к иудеям "Ваш отец - диавол") заключается, видимо, в том, что корпус Иоанна имел куда более широкое хождение в общинах первых христиан, включая римскую и сопоставимые с ней по численности общины (вспомним в этой связи еще раз имеющий к нему самое прямое отношение гностический Апокриф Иоанна), чем послания Павла, написанные хотя и "очень давно", но конкретным лицам и по "частным" поводам, или чем Евангелие Господа, которое Маркиону специально пришлось копировать и везти в Рим - там не было даже своей копии (т.е., очевидно, что "была раньше", но ее успели "потерять" задолго до приезда Маркиона). Таким образом, решишь в случае с "Корпусом Иоанна" ортодоксы на столь же масштабные, как в случаях с посланиями и синоптическими евангелиями, фальсификации и "редактуру", это было бы заметно любому христианину и "мог бы выйти большой скандал".

Что касается канонических Деяний Апостолов, судя по стилю и содержанию, также написанных "Лукой" не ранее второй половины II века, то и у них имелись свои - нет, не протографы, пожалуй, - гностические прототипы. Таковы Деяние Петра из Берлинского Папируса 8502 и Деяния Петра и Двенадцати Апостолов из собрания Наг-Хаммади, чьи греческие оригиналы появились, судя по всему, гораздо раньше коптских переводов (этот текст был переведен А.Л. Хосроевым - см. сайт Русской Апокрифической Студии и, позднее, мною - см. сайт "Гностицизм").

Наконец, новозаветный Апокалипсис Иоанна, как и Деяния Апостолов, вряд ли вообще имел какие-либо протографы и был скомпилирован из огромной массы источников как раннехристианского (гностического), так и иудейского и даже платонического происхождения. Об этом позволяет судить огромное разнообразие образов и персонажей, собранных в этом тексте, но собранных, во многих случаях, достаточно бессистемно, поскольку этот текст словно был призван не открыть читателю историю весьма неблизкого по "земному календарю" Конец Времен (идея, безусловно, присутствующая во многих религиях, если вообще не во всех), но испугать его скорым концом света, чтобы он успел прийти в ортодоксальную общину и "покаяться". Разумеется, покаяться "деятельно".

К теме новозаветных текстов мы еще неизбежно вернемся, когда будем говорить о текстах из гностических кодексов.

Большое спасибо за внимание.

Лекция II

План лекции

1. Общие сведения об имеющихся кодексах и текстах.
2. Апокриф Иоанна как важнейший из сохранившихся гностических текстов; его четыре версии.
3. Евангелие от Фомы как наиболее авторитетный источник раннехристианских логий.
4. Евангелие Иуды. Почему шумиха и сенсация, раздутая вокруг этого Евангелия, лишена оснований.

Лекция

1. На данный момент существует 4 найденных в Египте кодекса, содержащих гностические тексты на коптском языке, а также целая библиотека из 13 кодексов, которую принято называть "Коптской гностической Библиотекой из Наг-Хаммади", или просто "Корпусом Наг-Хаммади". Все найденные коптские тексты являются переводами с несохранившихся греческих оригиналов.

Коптский язык, на который переводились эти тексты, является позднейшей модификацией египетского языка, он имеет шесть диалектов (и почти все гностические тексты написаны на литературном, саидском диалекте), но, в отличие от египетского, имеет модифицированный греческий алфавит (причем многие ключевые термины, такие как Плерома, Архонты, Власти, Звёзды и т.п., несмотря на то, что им вполне можно было подобрать коптские аналоги, не переводились с греческого на коптский и оставались в этих текстах на языке оригинала, но переписанными согласно правилам коптской грамматики). Как и египетский, коптский входит в число афро-азиатских, а не индо-европейских языков, ведущих свою линию от санскрита. Копты имеют весьма причудливую грамматику: так то, что мы называем суффиксами и окончаниями, у них стоит обычно в начале слов, а не в конце, они "вкрапляют" местоимения (и не только) в те слова, с которыми они связаны, и т.п. Этот язык в обиходной оценке сейчас считается "мертвым", однако такое определение не вполне корректно, поскольку египетские христиане-копты (или позднее "коренное" население Египта, населявшее эту страну до арабского завоевания в средние века) по сей день, хотя и не все, пользуются этим языком и изучают его, а также, разумеется, используют его как язык богослужений в ортодоксальной Коптской церкви. Корпус Нового Завета (и, разумеется, Ветхого) не только переведен на коптский язык, но его издание даже можно без труда найти у нас - в московской Библиотеке иностранной литературы, 11-томное издание с параллельным переводом "коптского" НЗ на английский. Правда, сейчас граждане Египта, считающие себя коптами, составляют лишь чуть более 2% населения страны, но при этом эта часть населения одна из самых образованных, и многие ее представители составляют костяк политической и культурной элиты страны. Однако, насколько мне известно, "гностики" среди коптского христианского населения страны сейчас отсутствуют напрочь.

Вне всякого сомнения, на становление и развитие коптского языка определяющее влияние оказало проникновение христианства в Египет и его широкое распространение в конце I -

начале 2 веков. Если я не ошибаюсь, это единственный в нашу эру мировой прецедент именно такого, "религиозного" генезиса, в общем, нового для страны языка. Однако эта версия не является общепринятой. Так, ее оспаривают во введении к Грамматике коптского языка П.В. Ернштедта (М., 1986) А. Хосроев и А. Четверухин. Для тех, кто хочет самостоятельно изучать коптский язык или хотя бы ознакомиться с его основами, весьма любопытными и даже "мистическими", могу порекомендовать (для начала) книгу А.И. Еланской "Коптский язык" (М., 1964, есть в той же "Иностранке") и купить через Интернет-магазин "виртуально" еще не окончательно распроданную "Грамматику коптского языка" Вальтера Тиля - Вольфганга Вестендорфа (СПб., 2007, в пер. недавно скончавшегося А.С. Четверухина). В формате pdf можно скачать коптские грамматики на английском языке, написанные Мартином Пламли (J. Martin Plumley; в московской "Ленинке" есть ее перевод, выполненный М.К. Трофимовой в 2001 году - купить его невозможно с момента выхода) и Бентли Лейтоном (Bentley Layton, Coptic in 20 Lessons). В Интернете, в формате dejavu, можно скачать Оксфордский коптско-английский словарь (по сути, целую энциклопедию) Вальтера Крама (Oxford, 1939 и 1962). Полного коптско-русского словаря не существует по сей день (но его издание сейчас готовится петербургским ученым Дм. Алексеевым), что существенно затрудняет переводы коптских текстов на русский и делает крайне некорректным само понятие "русский перевод коптского текста". В России специалистов-коптологов существенно меньше, чем в США, Канаде, Великобритании, Германии, Франции и Финляндии, даже взятых по отдельности. Однако все они, без исключения, занимались и "гностическими" текстами. Почти все они перечислены в списке литературы, розданном вам перед первой лекцией, но далеко не все они живы...

Однако перейду непосредственно к Кодексам, перечисляемым мною в хронологическом порядке по времени их обнаружения. Предварительно отмечу, что неслучайно все гностические Кодексы были найдены именно в Египте: в египетской пустыне такие кодексы, в силу почвенно-климатических условий, могли храниться в земле столетиями, будучи спрятанными их владельцами, опасавшимися репрессий со стороны пришедших к власти христианских ортодоксов и "ересеологов" в форме и в штатском.

I. Кодекс, названный именем лондонского врача и коллекционера античных древностей Антонио Эскью (Codex Askewianus), приобретенный им в Лондоне во второй половине 18 века. В него входит самый длинный (383 коптских страницы) из найденных аутентичных текстов трактат под условным наименованием "Пистис София" (в самом тексте он не столько озаглавлен, сколько, видимо, охарактеризован как "Книги Спасителя" и разделен на 4 отдельных книги, его разделение на главы было сделано уже в 20-м веке, причем всякий раз по-разному). Это достаточно поздний ("пост-валентинианский") текст, даже его греческий оригинал не мог появиться ранее конца 3 века. История публикации Кодекса, найденного задолго до нынешней почти полной победы над европейским ортодоксальным клерикализмом, - эпопея не для слабонервных. Я всё еще не до конца потерял надежду, что в этом году выйдет не только мой перевод Pistis Sophia, но и том моего коллеги Александра Рычкова, посвященный, в том числе, этой эпопее.

Первый параллельный перевод текста был выполнен Маурицием Шварце под ред. Юлиуса Петермана в Берлине и опубликован дважды, в 1851 и 1853 гг., однако это был перевод с одного почти "мертвого" языка на другой - с коптского на латынь; кроме того, греческие термины вообще не были переведены. Т.о., это вообще не было переводом, сделанным для широкой публики, несмотря на то, что латынь тогда знали гораздо больше людей, чем сейчас. Кстати, в строгом смысле, факсимильное издание Кодекса отсутствует по сей день (вторая, более читабельная перепечатка коптского текста была опубликована Карлом Шмидтом в Копенгагене в 1925 году, с поправками и детальными примечаниями). Впервые на современные языки текст был переведен на французский, перевод был издан в 1895 г. Э. Амелинью (до этого существовал один неопубликованный из-за сопротивления "христианской" цензуры французский перевод, сделанный еще в середине 19 века французским ученым Дюлорье). На английский текст переводился известным теософом, учеником Е.П. Блаватской Джорджем Робертом Стюартом Мидом (1895, 1905, 1921 и масса современных переизданий), выдающимся британским коптологом Джорджем Хорнером (1924 - колоссальная библиографическая редкость; кстати, именно Хорнер перевел на английский коптскую версию Нового Завета, изданную только в 1969 г.), Виолет МакДермот (на мой

взгляд, это лучший из существующих переводов - Лейден, 1978), на немецкий Вальтером Тиллем, в изданиях 1954 и 1959 гг. (в одном издании с "Книгами Иеу" из Кодекса Брюса, что неслучайно, т.к. в Pistis Sophia были неоднократно упомянуты те самые "Две великие книги Иеу"). Издан также прекрасный русский перевод А.И. Еланской (СПб., 2004). Оригинальный Кодекс хранится в Британском музее в Лондоне.

II. Кодекс Джеймса Брюса (Codex Brucianus), куда вошли не только две "гностические" (и также достаточно поздние, оригинал которых был написан не ранее середины III века) "Книги Иеу", а также "гностический", но практически лишенный традиционного космологического дуализма христиан-гностиков, прославляющий Небесный мир как образчик для духовного человека земли "Текст без названия" (в русском, 2008 г., переводе Дмитрия Алексева - "Книга Великий Отца"), но и множество текстов не гностического содержания и даже не на коптском языке. В виде разрозненных тетрадей Кодекс попал в Англию примерно в 1769 году, будучи купленным самим Брюсом в Египте, однако ему повезло еще куда меньше, чем Пистис Софии - первое издание всего Кодекса вышло с параллельным английским переводом только 123 года спустя, в 1892 году; отдельно также издавался перевод Текста без названия - в 1918 и 1933 годах. "Книги Иеу", как я говорил выше, выходили в немецком переводе в 1954\59 гг. (т.е. более чем через 150 лет с момента обнаружения Кодекса), "Книги Иеу" и "Текст без названия" (или "Книга Великий Отца" по версии его русского переводчика Дм. Алексева) в наилучшем виде (в оригинале и в английском переводе) были изданы в Лейдене в 1978 году (опять-таки, я считаю этот перевод гностических текстов Кодекса, осуществленный Виолет МакДермот, лучшим из существующих). Насколько мне известно, ЕДИНСТВЕННЫЙ русский (и пока любительский, т.к. я только сейчас занимаюсь его серьезной редактурой, дорабатывая "имяслов" и связанные с ним примечания) перевод Книг Иеу (с фотокопиями многочисленных диаграмм коптского текста) выполнен мною в 2004 году и опубликован на сайте [Гностицизм](#). О Книгах Иеу ниже мы будем говорить отдельно.

III. Берлинский гностический папирус, или Papyrus Berolinensis 8502. Этот Кодекс оказался в Германии в конце 19-го века, будучи, немногим ранее, приобретенным в Египте. Туда входит одна из кратких версий "Апокрифа Иоанна", "Евангелие от Марии", "София Иисуса Христа", а также короткое "Деяние Петра". Первые научные публикации, касающиеся Кодекса, появились в 1898 году, однако сам он был издан даже не после Первой, а уже после Второй мировой войны - в 1955 году, с параллельным немецким переводом. Отдельные его тексты издавались в русском переводе: М.К. Трофимовой в упоминавшемся на 1-й лекции издании "Апокрифы древних христиан" (1989 г.) переводилось "Евангелие от Марии", "Апокриф Иоанна" и "София Иисуса Христа" - А.И. Еланской в также упоминавшемся издании ("Премудрость Иисуса Христа", 2004, вместе с Pistis Sophia, озаглавленной там "Вера-Премудрость"), академического русского перевода не было только у краткого "Деяния Петра". Однако весь Кодекс именно в том варианте, в котором он был издан в Германии Вальтером Тиллем, вышел с параллельным русским переводом только в 2004 году (переводчик - А.С. Четверухин). Поскольку наиболее значимые тексты этого Кодекса встречаются также в Наг-Хаммади, здесь, в рамках обзорной лекции, я не буду останавливаться на его содержании подробнее. Англоязычное - полное! - издание Берлинского папируса с параллельным английским переводом вышло, в кои-то веки, не намного раньше русского - в лейденской серии Nag Hammadi Studies в 1996 году.

IV. Библиотека Наг-Хаммади, крупнейшее по общему количеству страниц собрание из 13 кодексов, состоящее (в отличие от всех ранее найденных Кодексов, находившихся в приличном состоянии) из текстов очень разных степеней сохранности, от очень хорошей до очень плохой, причем ряд текстов этой Библиотеки ("Апокриф Иоанна" - ключевой текст нашей традиции, присутствующий в трех версиях) встречаются в ней в двух и более версиях. В двух версиях (из чего мы можем сделать вывод о чрезвычайной важности, как минимум, конкретно для египетских гностиков именно этих текстов) в этом собрании присутствуют следующие трактаты: "Евангелие Египтян", "Послание Блаженного Евгноста", "Евангелие Истины", "О происхождении мира" (странно в этой связи, что нет повторения пользовавшегося немалым спросом "Евангелия от Фомы"). Именно русские переводы этих текстов я и советую вам прочитать или в обязательном порядке, или в первую очередь, т.к. все они, к счастью, давно опубликованы в книжном формате.

Все тексты, за исключением текстов Первого кодекса, или Кодекса Юнга, который первым из всего собрания обрел в 1952 году "законного владельца" в Европе в лице Института К.-Г. Юнга, написаны на наиболее литературном и самом распространенном из шести диалектов коптского языка - на саидском диалекте (иногда с примесью других диалектов, чего не было в ранее найденных гностических собраниях, состоящих из текстов на "чистом" саидском); тексты Кодекса Юнга написаны на субхаммимском диалекте. Всего в Библиотеке насчитывается 53 текста (включая повторяющиеся). В найденном в конце 20 века Кодексе Чакас также содержатся такие тексты "из Наг-Хаммади", как (Первый из двух) "Апокалипсис Иакова", "Послание Петра к Филиппу" и "Аллоген".

Начиная с середины 70-х гг. кодексы этой Библиотеки, случайно открытые египетскими крестьянами при земляных работах в декабре 1945 года и "западная" история каждого из которых по сей день чрезвычайно запутана, начали, после снятия с них фотокопий для факсимиле, постепенно передаваться западными учеными обратно в Египет, где сейчас практически все они и хранятся - в Коптском музее в Каире. Полное академическое русскоязычное собрание переводов текстов из Наг-Хаммади планируется выпустить (и ваш покорный слуга - один из сотрудников этого Проекта) в 2010, самое позднее - в начале 2011 года. Большинство переводов этого, полного, собрания, или даже все они, будут принадлежать Дмитрию Алексееву.

В настоящее время, в числе крупнейших изданий всей коллекции, существует растянувшееся более чем на 25 лет академическое издание, выходившее отдельными томами в 60-х - 90-х гг., с параллельным переводом, в основном, на английский, вышедшее в Лейдене в серии Nag Hammadi Studies, а также научно-популярное издание английских переводов всей библиотеки, The Nag Hammadi Library in English, вышедшее в Лос-Анджелесе в 1977 году. Существуют также полное французское, немецкое, голландское и частичное финское издания Библиотеки. Забавно, что, насколько я знаю, до сих пор не существует греческого издания - видимо, потенциальные издатели сочли не вполне уместным обратный перевод коптских переводов на греческий, надеясь, что когда-то отыщутся греческие оригиналы текстов. Однако вероятность будущей находки такого рода, признаемся честно, близка к нулю.

Еще 2 года назад я полагал (что было отражено в моих лекциях 2006 года в Клубе-93), что в собрание Наг-Хаммади входят, помимо христианских текстов, составляющих огромное большинство всех трактатов коллекции, и пост-гностических, лишенных космологического дуализма герметических трактатов (фрагмента "Асклепия", полностью дошедшем до нас в латинском варианте и переведенном на русский, "Об Огдоаде и Эннеаде", краткой герметической "Молитвы Благодарения" и "Гипсифронэ") еще и (отдельным "эшелоном") неоили средне-платонические тексты (такие, как "Зостриан", "Марсан", "Аллоген" и краткое, весьма отличное от греческого, классического платоновского оригинала, переложение фрагмента "Государства" Платона). Однако теперь я полагаю, что все эти тексты (за исключением упомянутых герметических и платоновской "Гомилии о животном"), вне зависимости от того, упоминаются ли там или нет известные нам персонажи раннехристианской истории, являются текстами христианской гетеродоксальной традиции I-IV вв. (причем нам доступен их вариант III-IV вв.), но испытанными, как и герметические тексты III-VI вв., влияние египетских мистериальных практик, платонизма и не узко догматически воспринятого иудаизма. (Влияние последних двух отчетливо видно, кстати, и в "Книгах Иеу", и в Pistis Sophia, а также в текстах новозаветной традиции.) В частности, но, разумеется, не исключительно поэтому, я пришел к этой мысли потому, что "Аллоген" также был найден, в краткой версии, в "стопроцентно христианском" (в отличие от Наг-Хаммади, где "есть нюансы"), по духу и букве Кодексе Чакас, о котором ниже.

Я также ныне более чем скептически отношусь к предпринимаемому исключительно под воздействием "трудов" еще ранних ересологов делению этих текстов по признаку их изначальной принадлежности не только к разным традициям, но и к различным гностическим "сектам". В коллекции есть тексты валентиниан (т.н. "Валентинианское объяснение" с субтрактатами "О Крещении (А и В)", "О Евхаристии" и "О помазании" - все 4 очень плохой сохранности), но, по-видимому, и не более того. Все эти "офиты", "сифиане", "барбелоиты" и т.п., скорее всего, есть лишь плод больного воображения ересиологов, чьи сведения путаны или прямо ложны. Наши тексты вполне самостоятельны и, хотя изначальны и были написаны

в разных общинах, вряд ли имеют отношение именно к предлагавшейся веками классификации т.н. "гностических сект". В самом деле, могли ли существовать, как уверяли ересеологи, некие "архонтики"? Это что, христиане, поклоняющиеся архонтам?! По-моему, это полный абсурд.

Краткие сведения обо всех текстах из Наг-Хаммади можно посмотреть в статье Дм. Алексева "Античное христианство и гностицизм".

IV. Кодекс Чакас (Tchakos Codex). Факсимильное издание и перевод его текстов опубликован пока - в полном виде - только на английском, причем совсем недавно, в 2006 году Национальным Географическим Обществом США (а на ftp-сервере сообщества можно вполне легально скачать его факсимиле), потратившему на его восстановление, ставшее необходимым в результате варварского хранения уже в наше время и на его скрупулезное исследование миллионы грантовых долларов. История обнаружения и последующих злоключений этого Кодекса вполне напоминает содержание не самого скучного, но вполне остросюжетного голливудского криминального боевика.

Кодекс был приобретен в 1978 году, о его содержании арабские перекупщики, как и арабские крестьяне, нашедшие в 1945 году Библиотеку Наг-Хаммади, даже не догадывались. Несколько раз он перекупался подпольными коллекционерами антиквариата и, наконец, контрабандным способом был вывезен из Египта на Запад, где хранился, не будучи востребованным и не попадая сразу в руки человеку, хоть немного понимающему коптский язык, в ужасающих условиях, в т.ч. не менее десяти лет - в ячейке банковского сейфа, где добрая половина его страниц и рассыпалась "в песок". Причем на Западе кодекс находился уже в неполном виде, и мы далеко не уверены, что до нас дошли, хотя бы фрагментарно, все тексты, находившиеся в нем. Большая часть восстановительных и исследовательских работ была проведена в европейских (в основном в Швейцарии) лабораториях международным коллективом ученых, преимущественно из США. Таким образом, Кодексом Чакас он был назван не по имени его первого западного владельца, а по имени его, вообще говоря, случайного владельца, г-жи Чакас, которая, между прочим, немало повинна и в его плохом состоянии, и в том, что пыталась нажиться на нем - вопреки тому, что она сама утверждает (подробнее см. о г-же Чакас и ее весьма неприглядной роли в истории Кодекса см. в книге Джеймса М. Робинсона "Тайна истинного Евангелия Иуды" - Харьков, 2007).

В настоящее время в Кодексе Чакас содержатся, в порядке размещения, следующие тексты: "Послание Петра к Филиппу", "(Первый) Апокалипсис Иакова", "Евангелие Иуды", "Аллоген". (Русский перевод всего Кодекса Чакас сейчас готовится Дм. Алексеевым, причем "Евангелие Иуды" уже им переведено и опубликовано.)

И, наконец, своего рода "пункт IV с половиной".

На данный момент археологами на Ближнем Востоке найдено немало других текстов, в т.ч., очевидно, "гностического характера", однако на вышеизложенных примерах хорошо видно, сколько лет обычно проходит с момента обнаружения кодекса или текста до его издания или хотя бы до каких-либо научных статей, кратко анализирующих его содержание. Ученые предпочитают "не разглашать до поры конфиденциальную служебную информацию", а руководствоваться слухами нам как-то не хочется. В ожидании грантов от становящихся год от года всё более жадными и жаждущими неперенных "научных сенсаций" грантодателей, "живая очередь" на публикации о находках, которые находят археологические партии (общее число и состав участников которых растет в регионе с каждым годом), растягивается иногда на десятилетия - даже в современном нам мире с его якобы "ускоренным темпом жизни". Поэтому пока нам остается лишь "с умным видом" вести себя так, как будто со времен 1978 года по интересующему нас предмету ничего обнаружено не было. Хотя, очевидно, это не так.

2. "Апокриф Иоанна" - ключевой текст нашей традиции, текст, по своему характеру являющийся стопроцентно космологическим и откровенно "дуалистическим". Поскольку он сохранился в четырех коптских версиях (и возможно, что помимо греческого его оригинала существовал также и латинский его перевод), то я постараюсь передать ту часть его содержания, которая является общей для всех этих версий.

Я уже кратко говорил на первой лекции о том, как Ириной (вероятно, читавший греческий оригинал Апокрифа, или Тайной Книги, лично), а позднее и многие другие ересологи описывали процесс, приведший к созданию падшего мира, цитируя ненавистных ему "еретиков". Рассказывал, правда, с помощью "собственноручно" сочиненной аналогии с Богом-Отцом как электростанцией и Софией, неудачно прокатившейся поездом-экспрессом. Теперь пришло время обратиться к аутентичному первоисточнику.

Но прежде, чем вернуться к истории с отпадением Софии, обратимся чуть подробнее к устройству Плеромы. Незримый Бог, который есть одновременно Высший Свет, даже не породил, но лишь УВИДЕЛ свое отражение в воде светового мира, а увидев, наделил осознанием, потому что именно с этого момента он и возник как "Лик Незримого". Причем этот Лик, или Свет, будучи отраженным, разделился на четыре части и оказался наделенным женской природой. Он был назван Барбело и состоял из Мысли, Предвидения, Провидения и Совершенства и Первой Силы. Вроде бы высший магический квартирний ((прообраз, низведенный в ортодоксии до Троицы за счет сознательной "ампутации" женского божественного начала)), но пока еще только в потенциальности. Ибо не будем торопиться: вслед за Барбело (т.е., говоря очень условно, Отцом, Матерью, Сыном и Духом Святым в одной Божественной Сущности) практически сразу Отцом создаются четыре других сущности: Мысль (еще одна), Первое Знание, Нетленность и Вечная (дословно - Эоническая) Жизнь. Названия всех этих эонов могут слегка варьироваться. Т.е. если Барбело оказалась не совсем "идентичным" отражением Непостижимого Отца, поскольку в ней Его монадический образ предстал в виде четырехгранника, то ее зеркальное подобие уже предстало почти точной копией ее самой. В этом и заключается хитрость многих гностических текстов - в них часто упоминаются как бы одни и те же сущности, но стоящие на совершенно разных ступенях бытия, или находящиеся в разных своих ипостасях. Гностическая вселенная оказывается сродни голограмме и, как признал один мой знакомый увлекшийся Гнозисом математик, так же четко поддается алгебраическому моделированию, как и полу-видимая вселенная астрофизиков и астрономов, ибо физический мир работает на принципе подобия умопостигаемому.

Все вновь созданные (или осознанные, или эманированные) сущности поют гимны, причем не только Отцу, но каждая сущность, созданная после вышестоящей, славит еще и ее (именно отсюда берут начало вздорные ересиологические обвинения "гностиков" в возврате к "языческому многобожию"). В результате молитвенного погружения в Отца Барбело производит Искру Света, которую Отец ПОМАЗАЛ своей благодатью, и в результате родился Христос (помазанник) или Хрестос (или Благой). Благодаря Христу возникают Нус (или Ум), Телема (или Воля), Логос (или Слово). Т.е. опять квартирний, или квадрат, поскольку сам Христос в этой схеме также учитывается. Будучи, так сказать, "первым среди равных" божественных сущностей, Христос получает власть от Отца не только над всей областью Плеромы, которой он предстоит, но и над всей Вселенной. Вот здесь и коренится ответ на вопрос, какова же глубинная суть фраз новозаветного Евангелия от Иоанна "Я и Отец мой - одно" или "Ибо так возлюбил Господь мир, что отдал сына своего едиnorodного...". В изложении ортодоксов этот "Господь", конечно же, не кто иной как "ревнивый Бог Израиля", Яхве, что не выдерживает никакой критики, ибо это попросту неправда.

Вслед за этим эмануется четыре Света: Гармозель (которому приданы Эоны: Милость, Истина и Форма), Оройаэль (или Ориэль, которому приданы Провидение, Красота, Память), Давейфе (отголосок "Давида", которому приданы Эоны: Разум, Любовь, Идея) и, наконец, 4-й Свет, Элелет (которому приданы Совершенство, Мир И София). Именно после всего этого был сотворен Небесный Адам, от которого в нас, людях, наши высшие, духовные "тела", или принципы, но который, парадоксальным образом, является очень косвенным, но "виновником" нашей низшей природы. Об этом чуть ниже, а пока "Апокриф" завершает картину создания небесного мира, проводя зеркальный водораздел, на этот раз, уже между четырьмя созданными Светами, строго пополам: если Христос ставит Адама и его сына, Сифа, соответственно, над первым и вторым Светами, Гармозелем и Оройаэлем, то множественные эманации-отблески Адама и Сифа, соответственно, "души святых" и "души не раскаявшихся сразу", к которым мы вернемся чуть ниже, помещаются уже ПОД Третьим и Четвертым Светами соответственно - под Давейфе и Элелетом. Было бы чрезвычайно наивным полагать

(как это делает один из переводчиков Апокрифа на русский язык), что "души не раскаявшихся сразу" - это те, кто покаяться "слишком поздно", когда еще жили в материальном мире. Если бы это было так, они пребывали бы "теперь" не в Плероме, под Четвертым Светом, что было бы огромной честью для любой упокоившейся души, но, скорее всего, где-нибудь "в районе Тринадцатого эона", подробно описываемого в трактате Pistis Sophia как своего рода подбрюшье психической области, как некое расширительно понимаемое вместилище Предела - точки перехода из низшего мира в высший.

Итак, первым существом, сотворенным падшей пока еще вовсе не "в материю", но просто отпавшей от Плеромы, Софии был Иалдабаоф, которого многие переводят (консенсуса среди ученых по данному вопросу нет) как "Сына Хаоса" - низшего Хаоса. Это означает, что у этого существа была не только мать, София, но, по умолчанию, и Отец - низший Хаос (впоследствии "отцами" разного рода падших существ в тексте часто оказывались уже "дети" и "внуки" Иалдабаофа, совершавшие "блудодеяние" с Софией). Это существо показалось Софии настолько безобразным (хотя его безобразие было всего лишь зеркалом ее собственного безобразного отпадения), что она отринула его от себя прочь, т.е. отбросила его еще ниже тех областей (очевидно, "психических"), в которых в тот момент пребывала сама. Иалдабаоф, оказавшись, таким образом, вдали не только от Плеромы, но теперь уже и от породившей его божественной матери, не ведал ни истинного божьего мира, ни Истинного Бога, непостижимого и предвечного, несотворимого и неуничтожимого Праотца. И потому он не нашел ничего лучшего, чем в вынужденном невежестве своем воскликнуть: "Я бог, и нет другого Бога, кроме меня". (В этих словах, многократно цитируемых в других гностических текстах, очевидным образом, прослеживается первая, но далеко не последняя явная пародия на прочитанную экзотерически "Книгу Бытия" библейского Пятикнижия и лично на Яхве.)

Однако если на этом печальном казусе для самой Софии процесс эманирования новых сущностей был позорно и временно завершен, и ни о чем ином она уже не помышляла (но, напротив, молила Отца и Свет, а также своего небесного супруга о прощении и взятии ее обратно в Плерому), то Иалдабаоф, также оказавшись в одиночестве, но, как и София, оставаясь наделенным уже очень слабым, но всё же божественным светом, а значит, и демиургической силой, начал сотворять себе подобных существ ниже Высших Психических Областей. Он создал себе целый сонм ангелов-помощников (не забудем, что "ангелы" монотеистических религий - чаще всего просто "пониженные в звании" языческие боги) и уже свой мир, т.е. структурировал низший Хаос по своему образу и подобию.

Но в этом не было бы для нас ничего страшного, если бы он и его слуги не задумали сотворить человека по Образу Первого Человека, подлинного Адама, пребывавшего в Плероме, но при этом по своему подобию, т.е. двойственного по сути своей, низшего, психического человека. А после того, как "астральный прообраз" человека нынешнего был готов, и земного, материального человека. Причем он и его слуги всеми силами стремились удержать этого человека в его физико-психическом состоянии и не давать ему познать не только свой Прообраз, обитающий в Плероме, но даже тот "психический шаблон", из которого он был создан. А когда он и созданная вместе с ним Ева всё же предприняли, не без помощи существ Плеромы, такую решительную попытку самопознания, и состоялось их "изгнание из Рая", т.е. из Рая Иалдабаофа и его слуг. Здесь мы видим очередную пародию на книгу Бытия: в роли "Змия-искусителя" так или иначе выступает сам Творец ЭТОГО человека, Демиург-Иалдабаоф, он же Яхве (хотя, заметим, в нашем тексте Яхве - лишь один из ангелов самого этого Демиурга Психического), который подсовывает ему яблоко с Древа Познания отнюдь не высшего мира, но напротив, мира еще более низшего. Так происходит падение "тварного" Адама уже в низшие области Хаоса, или в наш, материальный мир. Этот процесс (а в пространственных и, скорее всего, более ранних по дате написания версиях - и процесс создания мельчайших частиц физического тела человека) описан подробно, видимо, потому, что предполагаемый автор текста, апостол Иоанн, которому Иисус и рассказывает всю эту историю, хотел показать первым христианам, т.е. своим читателям, что актом "злого демиургизма" явилось не столько "создание", точнее, структурирование и приспособление к жизни органических существ дотоле совершенно "мертвого", или неорганического физического мира, сколько сам факт поселения в этом мире человека, который изначально,

еще будучи Божеством Плеромы, был предназначен для жизни совершенно в иных мирах, более высокого порядка.

Но эта трагедия не является окончательной для человека, которого, вдобавок ко всему, сковали "оковами судьбы" (или кармой в восточном понимании), окончательно разделили два пола и заставили проходить длинную череду перевоплощений, рождений и смертей в этом физическом мире (на реинкарнации содержится более чем ясный намек в конце текста: "познавший Истину не будет снова брошен в иную плоть"). Во-первых, на не окончательный характер этой трагедии есть прямое указание в тексте как на отчасти уже свершившийся факт: в плероматических областях есть специальные эоны, или, условно говоря, пространственно-временные континуумы, где обитают праведные души (людей) и "души тех, кто не покаяться сразу", т.е. здесь содержится намек на то, что отнюдь не все эманации Человека, т.е. люди, подпали с самого начала под власть Демиурга, а также на то, что есть в Плероме "специально отведенные места", но пока малонаселенные, для людей, которые смогут, при помощи Гнозиса Иисуса Христоса, познать свою истинную природу, высшую природу, и вернуться домой. Но борьба между силами света и тьмы продолжается (на помощь человеку сначала была послана из Плеромы Мысль Света, а затем и Христос, супруг падшей Софии, в ответ на что силами Демиурга был сотворен Дух Обманчивый, который хочет прельстить человека, представ посланником "Истинного Бога" (в этом низшем духе также содержится вполне прозрачный намек на "ветхозаветное божество"). И борьба по сей день происходит не только "в космосе", или в мире в самом широком понимании этого термина, но и в человеческой душе, борьба между Мыслью и Христом с одной стороны, и Духом Обманчивым, с другой. Кто победит в этой борьбе? Для разных людей и ответ на этот вопрос может быть разным, и голливудский хэппи-энд здесь невозможен в принципе. Для людей плотских всё ясно - ничего кроме новых реинкарнаций вплоть до тех пор, пока они не перестанут быть плотскими, или соматиками, в будущем быть не может. Для людей психических, как говорится, возможны варианты: они более восприимчивы к возможному познанию своей Высшей Природы, и именно для них и стараются в нашем мире пришельцы и посланники из мира Божественной Плеромы. Если в них преобладает "разумная душа", они спасутся (и, вознесясь после смерти, смогут отбросить и ее), станут "единодуховными", избранными Высшим Богом, если же возобладает низшая, животная, ведомая тем самым Духом Обманчивым, тогда нет. Собственно говоря, этот самый Дух Обманчивый - уже не фактическое рабство в плену материи (в котором каждый из нас, сидящих в этом зале в данный момент, и так пребывает объективно, вне зависимости от своих убеждений или степени своей "духовной продвинутости"), но ментальное рабство в ее плену, Дух, "испортивший" не только нашу астральную, но уже и более высокую, ментальную сферу.

Подпасть под власть этого духа - значит не столько уже "фактически", сколько ментально привязаться к этому миру, уйти в сторону, совершенно противоположную Гнозису. В реальном мире это означает - заботиться не о том, как отсюда, из него, вырваться, но о карьере, власти, больших деньгах, или утратить чувство меры даже в каких-то простых вещах, необходимых для выживания здесь. Т.е., говоря прямо, посвятить свою жизнь всякой ерунде, что рано или поздно и обратит ее в юдоль скорби уже окончательно. Наш текст, в отличие от едва ли не половины других текстов из Наг-Хаммади (ибо чистым мифом являются рассказы о том, что "гностики" любили размышлять лишь о "Непознаваемом Отце, Христе, Софии, Иалдабаофе и падшем мире"), почти совершенно не является текстом нравоучительного характера.

Это отнюдь не значит, что пресловутые "вопросы нравственности", прежде всего сексуальной, которыми во всех, выражаясь телемитским языком, "старозонных религиях" было принято сильно злоупотреблять и вытаскивать их чуть ли не на передний план, были чужды автору текста. Просто здесь, по умолчанию, акценты расставлены по-иному: "нравственная жизнь" - вовсе не самоцель, она по-настоящему может быть полезна только человеку, ментально отрешившемуся от мира в целом, осознавшему его неподлинность, стремящемуся Домой, в божественный мир, и уже исходя из этого, а не сами по себе, "нравственные ценности" могут быть полезны. Могут ведь и не быть: не забывайте, что ко многим моральным установкам ортодоксального иудаизма гностики относились, мягко говоря, скептически. Кроме того, этот текст является подчеркнуто дуалистическим (хотя и лишен часто приписываемого гностикам "крайнего дуализма" и обусловленного им тотального онтологического пессимизма), тогда

как, например, Евангелие Истины, о котором мы будем говорить в следующий раз, т.е. другой весьма важный текст из Наг-Хаммади, как бы частично выводит этот дуализм из области космоса в область человеческого сознания, по умолчанию настраивая нас примерно так: "Не думайте, что если вас сюда - что правда - забросил, против вашей истинной воли, Демиург, то это оправдывает ваше недомыслие и вашу самоуспокоенность здесь, в объективном и субъективном плену материального мира".

3. Теперь перейдем к "Евангелию от Фомы". Скорее всего, по времени написания своего греческого оригинала, оно является не менее древним, чем, например, "Евангелие Господне", сохраненное Маркионом, и чем только что вкратце рассмотренный нами "Апокриф Иоанна". Другой вопрос - являлось ли оно изначально цельным текстом или это результат компиляции автором его греческого оригинала различных т.н. разрозненных "Логий Иисуса" (в т.ч. так называемого греческого "источника Q", очень напоминающего наш текст), объединявших лишь несколько изречений и которые, вместе с древней версией Евангелия от Иоанна и Евангелия Господа, и легли, по всей видимости, в основу "евангельской части" нынешнего христианского канона - Нового Завета. На мысль о не гомогенном происхождении "Евангелия от Фомы" нас наталкивает тот факт (хотя на таком происхождении лично я ни в коем случае не настаиваю, ибо сие в принципе бездоказательно), что изречения философского и религиозного характера, чаще всего содержащие не более одного предложения и начинающиеся просто и лаконично: "Иисус сказал: ...", собраны в нем слишком бессистемно, и их вообще для одного текста "слишком много", что текст, состоящий лишь из таких кратких изречений, оказался "слишком длинными" и т.п. Строго говоря, этот текст - едва ли не лучшая отповедь тем, кто верит в отдельное существование некоей отдельной от "раннего христианства", т.е. доникейского, доновозаветного, назовите его как угодно, "гностической ереси", "чьи последователи сфабриковали и Евангелие от Фомы". Это Евангелие, как я сейчас покажу вам при помощи цитат, как раз насквозь "новозаветно", причем характер цитат практически напрямую говорит о его более раннем, чем Новый Завет, происхождении. Единственное "не новозаветное", что там есть - это отсутствие совершенно искусственной и поздней смычки "ветхозаветных идей" с Откровением Самого Иисуса.

Вот, например, второй стих (нумерация приведена согласно русскому переводу, выполненному проф. В.Н. Нечипуренко - Ростов-на-Дону, "Феникс", 2007), вроде бы вполне "гностичный", но и совершенно явно напоминающий новозаветные Евангелия: "Сказал Иисус: Познай то, что присутствует пред лицом твоим, и то, что скрыто от тебя, - откроется пред тобою. Ибо нет ничего тайного, что не будет явным". Стих 14 как будто послужил прообразом сразу нескольким новозаветным речениям: "Сказал Иисус: Если вы поститесь, вы породите в себе грех, и, если вы молитесь, вы будете осуждены, и, если вы подаете милостыню, вы сделаете зло своему духу. (Имеется в виду, что спасения на этом зыбком фундаменте не добиться - вполне, в общем-то, "евангельская" мысль. - А.М.) И если вы приходите в какую-то землю и идете в селения, если вас примут, ешьте то, что вам положили. Больных среди них лечите. Ибо входящее в ваши уста не осквернит вас, скорее, выходящее из ваших уст, оно осквернит вас".

Совсем уж "узнаваем" 16-й стих: "Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир в мир (kosmos), и они не знают, что я пришел бросить разделения на землю: огонь, меч, войну. Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих. Отец против сына и сын против отца; и они встанут на ноги, ставши едиными". Далее, стих 20: "Сказали ученики Иисусу: Скажи нам, чему подобно Царство Небесное. Он сказал им: Оно подобно зерну горчичному, самому малому среди всех семян. Когда же оно падает на возделанную землю, оно дает большую ветвь и становится укрытием для птиц небесных". Стих 26 также привожу без комментариев, которые опять излишни: "Сказал Иисус: Сучок в глазу брата твоего ты видишь, бревна же в твоём глазу ты не видишь. Когда ты вынешь бревно из твоего глаза, тогда ты увидишь, как вынуть сучок из глаза твоего брата". Стих 34: "Сказал Иисус: Если слепой ведёт слепого, оба падают в яму". Стих 36: "Сказал Иисус: Не заботьтесь с утра до вечера и с вечера до утра о том, что вы наденете на себя". Не хватает только известного вам продолжения о "птицах небесных", не заботящихся ни о чем и т.п. Стих 44: "Сказал Иисус: Тот, кто высказал хулу на Отца, - простится ему, и тот, кто высказал на Сына, - простится ему. Но тот, кто высказал хулу на Духа Святого, - не простится тому ни на земле, ни на небе". Наконец, мой

едва ли не любимый стих из "Евангелия от Фомы", 39-й: "Сказал Иисус: Фарисеи и книжники взяли ключи знания. Они спрятали их; они не вошли, и тем, кто хочет войти, они не разрешают. Вы же будьте умны, как змии, и чисты, как голуби".

Как и в огромном большинстве гностических текстов, здесь присутствует антииудейская полемика: "Сказали ему ученики его: Обрезание полезно или нет? Он сказал им: Если бы оно было полезно, их отец родил бы их от матери уже обрезанными. Но истинное обрезание в духе обнаружило полную пользу". Таким образом, мы видим, что это Евангелие вполне могло бы быть включено в канон, если бы только ересеологам не удалось каким-то образом пронюхать, что оно пользовалось большим спросом "у еретиков". Видно, только потому и не стали... Хотя это примерно то же самое, что не есть копченую колбасу только потому, что ее ест твой сосед по коммуналке, которого ты, как и полагается, ненавидишь. Поистине, их вера была, строго по Тертуллиану, вполне себе абсурдна.

Однако в "Евангелии от Фомы" можно встретить, как минимум, два фрагмента, где затрагивается тема восстановления человеческой андрогинности, тема преодоления разделения полов и разделения вообще - это уже, пожалуй, сугубо эзотерико-христианская, или "гностическая" тема, и лишь слабыми отголосками ее можно считать некоторые "новозаветные" пассажи-притчи, например, о том, что "в Царствии небесном не женятся и замуж не выходят" или хорошо известный сюжет о том, как Иисус отказался выйти к своим близким кровным родственникам (аналог есть и в нашем тексте), сославшись на то, что его подлинны мать и братья - те, кто следуют Его Учению, т.е. отказался привычно земным образом ДЕЛИТЬ людей. Вот эти фрагменты: "22. (...) Когда вы сделаете двоих одним, и если вы сделаете внутреннюю сторону подобной внешней стороне, и внешнюю сторону подобной внутренней стороне, и верхнюю сторону подобной нижней стороне, и так вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете некие глаза в месте глаза, и руку в месте руки, и ногу в месте ноги, образ в месте образа, - тогда вы войдете в Царство".

Отсылки к частям тела здесь, очевидно, можно понимать как замену плотного тела тонким - это также вполне "гностичная" идея, впоследствии успешно опошленная церковной ортодоксией и трансформировавшаяся в некое "телесное воскрешение из мертвых", в 19-м веке, в частности, ядовито высмеянное Е.П. Блаватской, предложившей воскресить еще и постельное белье, на котором умирали "истинно уверовавшие". И вот еще: "114. Сказал Симон Петр им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Сказал Иисус: Смотрите, я направлю ее, чтобы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая делает себя мужчиной, войдет в Царство Небесное". Очевидно, что если увязать этот стих с вышеприведенным, 22-м (а именно так и следует поступать), то здесь не только не окажется никакого "сексизма" и "женоненавистничества", особенно неуместного в гностическом контексте, но всё встанет на свои места.

Обилием цитат из "Евангелия от Фомы" я хотел не только показать вам то, что в нем нет "ничего особенного" для нас, выросших в так называемой "христианской культуре" (хотя ваш покорный слуга-то рос в абсолютно атеистической среде, не будучи при этом атеистом), но и подчеркнуть, парадоксальным образом, его многоплановость. Совершенно неслучайно по количеству научных статей, посвященных текстам из Наг-Хаммади, пальму первенства делит именно оно - вместе с "Апокрифом Иоанна" и "Евангелием Истины", о котором мы относительно подробно поговорим в следующий раз.

4. "Евангелие Иуды Искариота". Это текст, греческий оригинал которого был написан не позднее второй половины второго века (поскольку его, как и "Евангелие Истины" из Наг-Хаммади, прямо упоминает Иринея). Прежде всего, хочу обратить ваше внимание на то, что это Евангелие не "от" Иуды, но "просто" Иуды, ибо сам он упомянут в тексте в третьем, а не в первом лице, т.е. отнюдь не как рассказчик. Кратко об истории Кодекса Чако, куда входит это Евангелие, я уже рассказывал, и пришло время поговорить о нем самом. Отдельный, пусть и краткий, разговор о нем необходим по двум причинам: во-первых, это единственное в Кодексе Чако евангелие, не встречающееся также и в собрании Наг-Хаммади, во вторых, потому что надо сказать несколько слов о его содержании, хотя бы для того, чтобы

опровергнуть расхожие мифы об этом тексте, бытующие в среде людей, никогда его не читавших, но падких до дешевых "гностических сенсаций", подогреваемых еще ранними "ересеологами", которые, очевидно, также никогда не держали в руках тогда еще доступного греческого оригинала этого текста.

Прежде всего, позвольте развенчать очень вредный миф о том, что в этом Евангелии якобы содержится "оправдание поступка Иуды Искарриота, предавшего Иисуса по его же просьбе" во исполнение неких пророчеств или чтобы тем самым помочь Иисусу окончательно восстать во славе небесной, явив свою божественную силу наиболее явным и решительным образом. Так вот: всё это полная чушь. Прочитайте русский перевод текста, и вы сами в этом убедитесь. Конечно, текст, в результате варварского обращения с Кодексом уже после его обнаружения, сохранился от силы наполовину, но и сохранившейся половины достаточно для того, чтобы судить о том, что ничего "сенсационного" в нем не содержится и, следовательно, вся раздутая вокруг него в СМИ (и, что самое ужасное, в западных научных кругах вследствие хождения искаженных версий его перевода на европейские языки и слишком вольного раскрытия его многочисленных лакун) шумиха лишена каких-либо оснований.

На самом деле, единственное, что в этом тексте сенсационно - это его название. Именно оно и заставляет многих увидеть в тексте несуществующий в нем подвох и воспетое еще сто лет назад Леонидом Андреевым "оправдание Иуды" в качестве одной из его "трех версий предательства". Действительно, авторам лучше было назвать текст менее шокирующим образом, например, Евангелие ОБ Иуде Искарриоте. Но вряд ли его авторы предвидели, что древние и современные ересеологи сумеют с точностью до наоборот извратить его содержание, а потому не сильно заботились и о его названии. Любопытно, что хотя Иуда в тексте упоминается в третьем лице, автор ничего не сообщает нам о его дальнейшей участи; согласно "общепринятой" версии, как мы помним, он повесился вскоре после того, как совершил предательство, но в тексте об этом ничего не сказано (хотя очень может быть, что именно это и произошло). Не сказано в тексте также и о посмертной участи Иуды.

Дело в том, что концовка как раз прекрасно сохранилась, как и самое начало, и вот что гласит конец текста: "Роптали [же] их первосвященники, что Он (Иисус - А.М.) вошел в комнату своей молитвы. Были же некие из книжников, наблюдавшие, чтобы схватить его на молитве, ведь они боялись народа, ибо Он был для них всех как пророк. И они встретили Иуду, они сказали ему: Что делаешь здесь ты?! Ты ученик Иисуса! Он же (Иуда - А.М.) ответил согласно их желанию. И Иуда взял деньги, он предал им Его. Евангелие Иуды". А вот что сказал Иисус Иуде накануне предательства: "Я расскажу тебе тайнства Царства, ибо тебе ВОЗМОЖНО войти в него. Но ты будешь очень опечален, ведь ИНОЙ будет вместо тебя, чтобы двенадцать учеников вновь стали совершенными в своем Боге (стр. 35-36 Кодекса; этот будущий "иной", возможно, Павел (это если мы сделаем акцент на слове "будет")). И чуть далее (стр. 44): "Сказал Иуда: Учитель! Как ты слушал их всех, выслушай и меня, ибо я видел великое видение. Иисус же, услышав, рассмеялся и сказал ему: Перестань утруждаться, тринадцатый БЕС! Но рассказывай, я ПОТЕРПЛЮ тебя".

Еще далее вновь повторяется пассаж со стр. 35-36 (на стр. 46): "но ты будешь весьма опечален, видя царство и всё его потомство... ты станешь тринадцатым и будешь проклят остальными поколениями", то есть никакого Царства Иуде не светит, он будет лишь, как принято сейчас говорить, "смотреть с галерки и облизываться". Или, как сказал бы персонаж одного советского фильма, "Твое место - в углу, у параши". Примерно так, ибо стр. 44 выдает весьма язвительный, мягко говоря, тон Иисуса в разговоре с Иудой, Иисуса, "сусальный образ" которого, заведомо не вызывающий доверия, так любят рисовать в ортодоксальном христианстве, особенно в России. А в этом тексте... ну, какое же это "оправдание"?

В целом же само сохранившееся содержание текста почти целиком выдает в нем обычный, преимущественно космологический трактат, только здесь Иисус говорит не с апостолом Иоанном, как в гностическом апокрифе, приписываемом последнему, но с Иудой, а "ретроспективно" - и с другими учениками. Кроме того, целостной космологической картинке мы там сейчас тоже не увидим (во-первых, ее там, очевидно, и не было изначально, во-вторых - всё же не та сохранность папируса, как у большинства космологических текстов, не считая не лучше сохранной "троицы" преимущественно космологических текстов "Зостриан",

"Марсан" и "Аллоген" из собрания Наг-Хаммади). Однако, судя по сохранившимся частям текста, вряд ли его космология серьезно отличается от "Апокрифа Иоанна" - там, к примеру, есть в привычной нам роли и Отец, и Барбело, и Четыре Света, и Иалдабаоф (только под другим именем), и другие персонажи высшего и не очень миров.

Если бы не искусственно раздутая - еще ересеологами! - сенсация вокруг текста, якобы принадлежащего перу "самого предателя Иуды", столь неразумно подхваченная не всеми, но многими западными исследователями трактата, этот текст вызвал бы не больший общественный интерес, чем, например, "Апокриф Иакова" из Наг-Хаммади, о котором (в том числе) мы и поговорим в следующий раз. Кстати, забегаая вперед, отмечу, что переведенный ныне на русский Дм. Алексеевым "Апокриф Иакова", на мой взгляд, заслуживает куда больше нашего с вами внимания, чем ему традиционно уделяется.

Лекция III

План лекции

1. Евангелие Истины как робкая попытка снятия "гностического дуализма".
2. Корпус текстов, приписываемых Иакову: Апокриф Иакова и два Откровения Иакова.
3. Тексты, испытавшие влияние платонизма: Зостриан, Марсан и Аллоген.

Лекция

1. Евангелие Истины как робкая попытка снятия "гностического дуализма".

Этому тексту гностики, очевидно, придавали большое значение: в собрании Наг-Хаммади он встречается дважды: в Кодексе Юнга (первом в собрании) и в 12-м Кодексе. Текст, находившийся в 1-м Кодексе, в отличие от текста, находившегося в 12-м, неплохо сохранился (как и описанные нами в предыдущих лекциях "Апокриф Иоанна" и "Евангелие от Фомы"). Как и все тексты 1-го Кодекса, он написан на субхаммимском диалекте коптского языка и, как и все дошедшие до нас тексты, он является переводом с греческого.

В чем же заключается "снятие дуализма", точнее, попытка такого снятия, наблюдаемая в тексте? Дело в том, что, как справедливо отметил его переводчик Дм. Алексеев (чей пер. мы и будем цитировать), этот трактат является, прежде всего, учением об Отце, вмещающим в себя всё, всю вселенную. На смену дуализму, наиболее четко выраженному в Апокрифе Иоанна (где фигурирует Непостижимый Бог, не имеющий прямого отношения к тварному миру, плюс Демиург - Иалдабаоф) здесь приходит некое отдаленное подобие пантеизма. Однако материальный мир, существующий в рамках этого "всего", является иллюзией, заблуждением (греч. *plane*, которую я в своем переводе обозначил как Ошибку), заблуждением, т.е. не обладает подлинным бытием. Но при этом материальные существа пребывают не вне Отца, а вне Гнозиса, т.е. знания об Отце. Собственно, Истину, или Знание, и призван нести людям данный текст. Точнее, его несет Спаситель, и это Знание призвано реинтегрировать нас в Плерому, а наше мнимое материальное бытие должно окончательно исчезнуть. Также в тексте содержится интересное учение о Сыне как Имени Отца, т.е., по сути дела, он проповедует единственность Отца и Сына (причем монотеистическую, т.е. никакого Догмата о Троице и никакого "земного воплощения Сына Божия" из этого Евангелия, при всем желании, вывести было бы никак нельзя). Это Евангелие было известно уже Иринею Лионскому в конце 2-го века; он писал о нем в своем антиеретическом "труде" "Против Ересей", однако вряд ли Ириной читал сам его текст. Таким образом, перед нами интересный феномен: т.н. "гностический дуализм", содержащийся практически во всех гностических текстах, может иметь самые разные оттенки и модификации, и при этом с неизбежностью "покоиться" на монистической почве.

Текст написан в "бодром" ключе; в нем, кажется, нет той "мрачности", которой сопровождается большая часть повествования "Апокрифа Иоанна". Чисто субъективно он произвел на меня (еще в процессе моего перевода в 2003 г., позже опубликованного и на бумаге) двойственное впечатление: с одной стороны, налицо поэтика высочайшего уровня, с другой - множество стилистически очень слабых мест, в чем явно прослеживается вина того человека, который переводил его с греческого. В этой связи особенно жаль, что почти не

сохранилась коптско-саидская версия текста в 12-м Кодексе, явно более грамотно переведенная.

Чтобы оценить и общий замысел трактата, и красоту его слога, возьмем, например, самое начало текста: "Евангелие Истины - это радость для тех, кто получил милость от Отца Истины, - узнать Его в силе Слова, вышедшего из полноты (т.е. в силе Откровения Плеромы - А.М.), Того, Кто в Мысли и Уме Отца, то есть Того, Кого называют Спасителем. И это (т.е. Евангелие Истины) - имя дела, которое Он сделает для возвращения тех, кто были незнающими Отца". Вполне ясно, что Слово, вышедшее из Полноты (и вошедшее в уста Иисуса) - это метафора, а не физическое воплощение. Роль Спасителя объясняется следующим образом: "Восполнив Изъян, Он разрушил (его) облик, его облик - это мир, в котором Он послужил, ибо место, в котором зависть и борьба, это изъян, место же, в котором - Единство, это полнота (т.е. Плерома). Поскольку изъян возник потому, что Отца не знали, тогда, когда Отца узнают, его уже не будет, изъяна". Текст, говоря о "середине", или месте обитания "душевных", также развенчивает ряд иллюзий относительно т.н. "психиков", спасение для которых, если верить ересеологам, весьма затруднено. Кроме того, понятие Истины, постичь которую и требуется от гностика, достаточно конкретно: "Она пришла в середину, истина, они УЗНАЛИ ее, все ее отпрыски. Они целуют Отца в истине, с силой совершенной, соединяющей их с Отцом, ведь каждый любящий истину (ибо Истина - это уста Отца, а язык Его - Дух Святой), соединившийся с Истиной, соединяется с устами Отца, посредством Его языка он получает Дух Святой. И таково явление Отца и откровение Его Своим зонам".

Любопытно, кстати, что Ошибку (или Заблуждение) в нашем тексте можно объяснить и как имеющую онтологический статус, если сравнить ее "дела" с тем, что говорилось в других гностических текстах о Падшей Софии: "Изъян вещества не возник от бесконечности Отца, приходящего дать время Изъяну, хотя никто не смог сказать, что он придет так, Нетленный. Но она умножилась, глубина Отца, и она не была с ним, мысль заблуждения, дело слабости, которое легко исправить обретением пришедшего к Тому, Кто возвратит его, ибо возвращение называют покаянием". А вот что сказано о тех, кто познал Истину (интересно, кстати, что "ад", или копт. Amente, описывается как продолжение тленного бытия во всех его видах): "Таков образ имеющих свыше (вспомним новозаветных "рожденных свыше" - А.М.), от Величия неизмеримого, ожидающих Одного единственного и совершенного, Того, Кто для них. И они не нисходят в ад, и нет там ни ревности, ни воздыхания, ни смерти нет среди них, но они покоятся в покоящемся, не трудясь, и они не вращаются вокруг истины, но сами они - истина. И пребывает в них Отец, и они в Отце, совершенные, нераздельные в истинном благе, не лишая никого ни в чем, но давая покой, освежая духом... Таково место блаженных, таково их место".

2. Корпус текстов, приписываемых Иакову:

"Апокриф Иакова" и два "Откровения Иакова".

"Апокриф Иакова" также находится в Кодексе Юнга, это - послание апостола Иакова Праведного к неизвестному адресату, но весьма вероятно, что к Керинфу - очевидно, тому самому гностику 1-го века, о котором упоминали ересеологи, но сочинений которого не сохранилось. Большая часть трактата посвящена беседе воскресшего Спасителя с Иаковом и Петром перед Его окончательным вознесением. Почему мы говорим о вознесении "окончательном"? Дело в том, что Иисус в тексте апокрифа является своим ученикам спустя 550 дней (!) после воскресения (похожие "странности" мы наблюдаем в "Пистис Софии", где Иисус 11 лет проводит с учениками, уже после вознесения, т.е. в тонком теле), после чего он отводит в сторону Петра и Иакова, чтобы "исполнить" их и дать им в ряде речей свое окончательное и отчетливое учение, до сего времени проповедуемое только "в притчах". Затем Иисус возносится по правую руку Отца, тогда как Иаков и Петр безуспешно пытаются следовать за ним. Этот текст со всей наглядностью демонстрирует, что т.н. гностическая гетеродоксия - вовсе не миф. Например, сам факт существования гностических текстов, приписываемых Петру и Иакову, говорит о том, что отнюдь не только влияние экзегетических традиций, восходящих к Павлу, Иоанну и Фоме было определяющим для гностиков.

Здесь мы имеем дело с отчетливо "подвижнической" разновидностью Гнозиса. Кроме того, широко распространено мнение о том, что гностики "отрицали мученичество за веру". Те, кто действительно его отрицали как некий обязательный императив и как "аргумент в пользу их

веры", на мой взгляд, поступали правильно, но так поступали не все. Более того, мягко говоря, далеко не все гностики считали, что распятие Иисуса было призрачным, поскольку Он не мог пострадать до того, как Дух Святой - атрибут божественности - покинет его. Например, Иисус говорит: "Если вы помыслите о мире, как велик он был до вас, и как еще он будет велик после вас, вы найдете, что ваша жизнь - единый день, и ваши страдания - единый час, ибо благие не придут в мир. ... Помните мой крест и мою смерть, и вы будете жить. ... Ищите же смерти, как мертвые, которые ищут жизни, ибо то, чего они ищут, является им. ... Когда вы обратитесь к смерти, она научит вас лучшему. Истинно говорю Я вам, что никто не спасется из боящихся смерти, ибо царство смерти принадлежит умерщвляющим их. Станьте лучше Меня, уподобьтесь Сыну Духа Святого!". Последнее предложение в процитированном тексте (здесь и везде далее, вплоть до Зостриана, в пер. Дм. Алексеева) поражает своей необычностью. С другой стороны, мы знаем, что христиане-гностики, в отличие от ортодоксов, способных разве что на бесконечное цитирование Библии (и часто весьма своеобразное, строго буквалистское ее понимание) именно так и поступали, и развили учение Иисуса в очень целостную систему представлений о Плероме, мире и спасения от мира.

Эту мысль Иисус развивает и дальше: "Поскольку Я уже прославлен, зачем вы удерживаете Меня, когда Я спешу уйти? Ведь после страдания вы вынудили Меня оставаться с вами еще восемнадцать месяцев ради притч. Людям было достаточно, и они поняли "пастухов", и "семя", и "дом", и "светильники дев", и "плату работников", и "дирахму", и "женщину". Иисус хочет уйти в Плерому, но не советует и ученикам надолго задерживаться в мире сем. Наряду с традиционными для гностических текстов словами о том, что спасение может прийти лишь через Гнозис, Он раскрывает это положение в практическом ключе, говоря о Слове (Логосе) в более широком контексте, нежели исповедание и проповедничество: "Станьте поспешными в слове, ибо слово - первая его (т.е. Слова) часть - это вера (Пистис), вторая - любовь (Агапе), третья - дела, ибо жизнь появляется из них". Таким образом, в этих словах содержится также намек на то, что жизнь гностика должна быть подобна Плероме в ее "зоническом" устройении. Что касается "третьей составляющей" Гнозиса, практических дел, то она также недвусмысленно трактуется Иисусом в его обращении к Иакову как лекарство от своего рода состояния "неустойчивого равновесия", в котором находится адепт и которое может быть весьма опасно для его конечного спасения: "Смотри, Я сошел вниз, и говорил, и утрудил Себя, и получил Свой венец, когда спас вас... Еще донныне вы остаетесь слушающими, - должно вам пробудиться сначала, чтобы оно приняло вас в себя, Царство небесное". Конечно, с одной стороны, всё это можно воспринять лишь как обращение непосредственно к собеседникам, к апостолам, но тогда ведь получится, что и послания Павла - это всего лишь письма, написанные частным лицам по частным поводам...

Совершенно потрясающе в тексте следующие слова, где делается упор на личные усилия человека по спасению: "Петр же сказал: Иногда ты приглашаешь нас в Царство небесное, иногда Ты опять возвращаешь нас, Господи! Иногда ты убеждаешь и привлекаешь нас в веру, и обещаешь нам жизнь, иногда Ты опять изгоняешь нас из Царства небесного! Господь же ответил, Он сказал нам: Я давал тебе веру много раз. Более того, Я явился тебе, Иаков, и вы не познали меня!.. И если вы радуетесь обетованию жизни, вы скорбите и печалитесь, когда вас наставляют о Царстве. Вы же в вере и знании получили жизнь! Итак, презирайте отказ, если вы услышите о нем, услышав же об обетовании, ликуйте еще больше! Истинно Я говорю вам, что тот, кто примет жизнь и уверует в Царство, никогда не уйдет из него, даже если Отец пожелает изгнать его!".

Теперь перейдем к "Апокалипсисам Иакова", которые, в содержательном плане, имеет смысл рассматривать как одну книгу, но разделенную на две части. Фигура Иакова как апостола, очевидно, не имела ничего общего с тем, как она описана в новозаветных Деяниях Апостолов. Позволю себе в этой связи процитировать Дм. Алексеева, переводчика Корпуса гностических писаний Иакова на русский язык: "Высокий авторитет Иакова у представителей гностического христианства, известных своей неприязнью к Закону Моисея и категорическим неприятием любых попыток синкретизации христианства с иудаизмом, переходившим в открытое глумление над наиболее священными в глазах иудеев и иудо-христиан образами Ветхого Завета, просто несовместим ни с нарисованным автором Деяний образом Иакова, как благочестивого иудея и даже ревнителя Закона, ни с содержанием псевдоэпиграфического

Послания Иакова, вошедшего в канон Нового Завета, даже несмотря на то, что тот же Евсевий прямо признавал его подложным".

Ряд западных ученых, между прочим, полагали, что одной из причин обращения к фигуре Иакова было то, что последний находился вне круга Двенадцати апостолов, и в силу его отношения к Иисусу (а "брат Господень", конечно, следует понимать в чисто духовном смысле) Иаков мог бы быть подан как основатель более чистой формы гностического учения, чем та, которую представляли апостолы. Другая причина обращения гностиков к фигуре Иакова, по мнению других ученых, состоит в том, что она позволяла некоторым из них придавать больший смысл ближневосточной истории I столетия вообще и вопросов о причинах падения Иерусалима в частности. Однако мне лично представляется малоубедительным аргумент, апеллирующий к политической истории Иерусалима.

В "Откровениях Иакова", в которых с Иаковом говорил Сам Господь, содержится своего рода предостережение от некоей строго умозрительной, "математической" модели Гнозиса как чего-то самодостаточного, что четко указывает на неправоту ересеологов, приписывавших гностикам некое "лжеименное знание" как что-то самодовлеющее: "Сказал Иаков: Итак, рабби, вот, я получил их число - семьдесят два сосуда. Сказал Господь: Это семьдесят два неба, которые подчинены им. Это всё силы их владычества, и они установлены ими, и это - разделенные повсюду, существуя под властью двенадцати архонтов. Малая сила, которая в них, породила себе ангелов и воинства неисчислимы... Если ты хочешь исчислить их ныне, ты не сможешь, пока не отбросишь слепое рассуждение, оковы плоти, в которые ты заключен. И тогда ты достигнешь Сущего, и тебя уже не будет, и ты не Иаков, но ты - Сущий. И все неисчислимы - все они (тогда) будут названы. Сказал Иаков: Рабби, как же я достигну Сущего? Все эти силы и их воинства вооружились против меня. Он сказал мне: Эти силы вооружились не только против тебя... эти силы вооружились против Меня, и они вооружились с другими силами, но, вооружившись против Меня в суде, они не осудили Меня в нем... Если же ты продолжаешь беспокоиться, пусть тебя не заботит ничто иное, кроме твоего избавления. Ибо вот - Я исполню этот удел на земле, согласно тому, что Я говорил с небес, и Я открою тебе твое избавление".

Когда читаешь этот текст дальше, то приходишь к выводу, что уж скорее новозаветный "Апокалипсис Иоанна", нежели большинство известных нам гностических текстов, является тем самым "лжеименным знанием", которое приписывали гностикам ересиологи. А здесь (как и во многих других текстах из Наг-Хаммади) небесных персонажей, как-то могущих повлиять на судьбу спасаемого, не так уж и много, хотя есть и исключения. Водораздел между Горним и Дольним мирами всё же существует, и космогонические отголоски (лишь отголоски, хотя это Апокалипсис!) описания этого водораздела, более чем подробно освещенного в "Апокрифе Иоанна", присутствуют и здесь, хотя и здесь мы наблюдаем несколько смягченную, по сравнению с "Апокрифом Иоанна", форму "гностического дуализма".

Так, Иисус говорит Иакову: "Это не чуждые вообще, но они от Ахамот, которая - женщина. И тех, кого она сотворила - она унесла этот род вниз от Предвечного. Итак, это не чуждые, но наши. Наши же, ибо господствующая над ними - от Предвечного. Чуждые же потому, что Предвечный не согласился с ней, и тогда она сотворила их... Я же воззову к знанию нетленному, то есть к... Софии, пребывающей в Отце, которая - мать Ахамот. Нет у Ахамот ни отца, ни супруга - мужа, но это жена от жены. Она сотворила вас без мужа, пребывая одна, будучи незнающей о живых и о своей матери, думая, что она одна - Сущее. Я же воззову к ее матери. И тогда они смутятся, они обвинят свой корень и род своей матери, ты же взойдешь к своим". Второй из двух Апокалипсисов Иакова уже трудно назвать апокалипсисом в собственном смысле слова, поскольку текст в значительной степени является пересказом проповеди Иакова, брата Господня, произнесенной им перед иудеями на ступенях Иерусалимского храма. Затем Иаков пересказывает им содержание своей беседы с Иисусом и полученные от Него откровения. После чего иудеи, прежде всего храмовые жрецы, возмущенные этой проповедью и его словами о храме, вознамереваются убить Иакова; затем они сбрасывают его с крыла храма и побивают камнями. Заканчивается текст пространной молитвой, произнесенной Иаковом перед смертью.

В тексте Иаков говорит совсем не то, чего можно было ожидать от него по версии новозаветных Деяний, поскольку в нашем тексте он напрямую противопоставляет двух Господов - демиурга, бога иудеев, и Иисуса Христа. Так, Иаков говорит: "Я - тот, кому открыто полнотой Нетленности, тот, кого Великий (т.е. Иисус) призвал первым, и я послушался Господа, прошедшего мира..., Того, Кто найден в тлении, и Он будет вознесен в нетленность". И вот собственно противопоставление, вложенное в уста Иисуса, которого и цитирует Иаков: "Ведь многие, если услышат, станут боязливými, ты же понимай, чтобы Я мог сказать тебе. Твой отец - не Мой Отец, но Мой Отец стал тебе Отцом... Твой отец, о котором ты думаешь, что он богат, даст тебе унаследовать всё то, что ты видишь... После того, как он будет посрамлен, он возмутится, ибо его труд, далекий от эонов (Плеромы), - ничто, и его наследие явится малым, - то, которым он хвалился перед вами, что оно велико. И его дары не благи, его обетования - дурные советы, ибо ты - не от его милосердия, но он творит насилие над тобой. Он хочет сделать нам несправедливость, и он будет Господом на время, исчисленное для него. Но пойми и узнай Отца, имеющего милосердие...". Руководствуясь полученным от Иисуса наставлениями, Иаков обращается к собравшимся иудеям, и, в частности, говорит им следующие слова: "Оставьте тягостный путь, тот, у которого множество образов, и ходите согласно Тому, Кто хочет, чтобы вы стали свободными со мной и стали выше всякого господства... И ваши трубы с вашими флейтами - играйте на них с вашими псалтирями дома сего! Господь, пленивший вас от Господа, запирает ваши уши, чтобы они не слышали звука моего слова".

В целом из текста хорошо видно, что Иаков, занимавший особенное место в иудео-христианских кругах (отсюда и его проповедь не где-нибудь, а у Храма), рассматривался как обладатель особого Откровения Иисуса и наделялся такой ролью уже в гностической традиции, которая успешно конкурировала с каноническими откровениями, касавшимися Петра. Например, Иаков является "проводником", ведущим гностика через дверь Царствия Небесного и даже вознаграждающим его. Это описание чем-то походит на описание Петра как хранителя ключей от Врат Небесных (Матф. 16:19).

3. Тексты, испытавшие влияние платонизма: Зостриан, Марсан и Аллоген.

Исследователи называют трактат "Зостриан" апокалипсисом небесного путешествия. Наряду с т.н. "Трехчастным Трактатом" из Кодекса Юнга (любопытным, кстати, тем, что в нем от Плеромы отпала не София, но "мужской" Эон, Логос) это - самый длинный текст в Корпусе Наг-Хаммади. Но, в отличие от "Трехчастного Трактата", он очень плохо сохранился в результате небрежного обращения с Кодексом, где он находился, египетскими крестьянами после его обнаружения. Книга открывается рассказом об именах её центрального персонажа, Зостриана В древности, кстати, Зостриана связывали с родом знаменитого персидского мага Зороастра, основателя известной вам религии "имени себя". Но наш текст, помимо "имяслова", практически не имеет сходств с зороастрийскими текстами, если не считать некоторого дуализма, присущего не столько именно этому тексту, сколько вообще гностическим текстам. "Имяслов" же, помещенный в самом конце текста, такой: "Зостриан. Оракулы Истины Зостриана. Бог Истины. Учение Зороастра".

Текст адресован членам общины, уже получившим Гностическое Посвящение. Философ-неоплатоник III столетия Порфирий в своей биографии Плотина говорит о неких "сектантах, отказавшихся от древней философии" (т.е. от платонизма). Эти сектанты, очевидно, и были гностиками, с которыми вступали в контакты члены школы Плотина. Порфирий отмечает, что эти люди "написали апокалипсисы Зороастра, Зостриана, Никофея, Аллогена, Месса и др. того же рода" (Vit. Plot. 16). Два из этих апокалипсисов, упомянутых Порфирием, сейчас доступны нам в коптских версиях в Библиотеке Наг-Хаммади: "Зостриан" и "Аллоген". По своему содержанию с этими трактатами также очень тесно связан трактат "Марсан", о котором мы поговорим чуть ниже.

Космология "Зостриана" примерно следующая. На высшей ступени бытия пребывает в вечном покое непознаваемый Превышний Бог, названный Троесильным Невидимым Духом, из которого и эманировало всё остальное. Далее простирается весьма обширная система Эонов, названная в совокупности Барбело и понимаемая автором как Мысль Духа. Любопытно, что хотя Барбело в других текстах и является четверичной, здесь она подразделяется не на четыре,

но на три составляющих Эона: Калиптос (верхний, или скрытый Эон), далее - Протофанес (Первый Проявленный Эон) и Аутогенес (самородный Эон). Четвертый эон, "в лучшем случае", скрыт. Вслед за Троеильным Духом располагается обширная система Эонов, названная в совокупности Барбело и понимаемая автором как Мысль Духа. Сама Барбело при этом разделена на три составляющих эона: наивысший эон Калиптос (верхний, или скрытый эон), в середине расположен Протофанэс (первоначальный, или первопроявленный эон), и в самом низу находится Аутогенэс (самосотворенный, или самопорожденный эон). Каждый из этих эонов обладает своей собственной системой составляющих его существ, называемых Светами, Сияниями, Ангелами, Водами и т.п.

С каждой следующей страницей текста мы видим становящуюся всё более очевидной неполноту, фрагментарность этой космологии: и наверху не Монада, а своего рода Тримурти, или Троица, и Барбело как бы не Барбело, а Троица более низшая, и сущности более низкого порядка как будто перемешаны друг с другом, так что весьма сложно четко выстроить их иерархию (и отнюдь не только из-за плохой сохранности большей части текста). Объясняется эта неполнота визионерским характером трактата, т.е. что человек увидел, то он и описывает, не претендуя на полноту охвата ни Плеромы (по понятным причинам - в ней немало областей, куда даже самому просветленному человеку путь закрыт), ни даже более низкого Космоса. Именно поэтому всякого рода "видениям" и обрывочным рассказам "случайно встреченных ангелов" гностикам и не следует, на мой взгляд, доверять настолько же безоговорочно, как т.н. богооткровенным текстам, типа "Апокрифа Иоанна", и этот вывод применим не только к гностической традиции. Однако не будем и преувеличивать "ужасов" этой неполноты. Того, что описано в тексте, оказалось Зостриану вполне достаточно для того, чтобы преодолеть, как выразились бы сейчас, "тяжелый экзистенциальный кризис". Ведь само повествование трактата начинается с того, что Зостриан пребывал в состоянии глубокой подавленности, готовый даже совершить самоубийство в пустыне, когда ему внезапно явился Ангел Познания Вечного Света, призвавший его к Гнозису. Оставив своё физическое тело на земле, Зостриан вознёсся вместе с ангелом через Низшие Области Небесных Сфер. На каждом уровне он был посвящён посредством крещения в ту часть Гнозиса, которая приоткрывалась в нём. По мере продолжения своего путешествия, Зостриан встретил целый ряд проводников ангельской природы, вопрошая их и обучаясь у каждого из них Гнозису различных Небесных Эонов, через которые он следовал. Это знание состояло преимущественно в изучении имён обитателей Небесного Мира и в исследовании взаимоотношений между ними. Ангельские сущности в тексте говорят Зостриану (и всем нам), что каждый последующий уровень Вселенной создан на основе находящегося уровнем выше образца, и что каждый нижележащий уровень менее совершенен, чем его образец. Когда же его тур по небесам был завершён, Зостриан спускается снова в физический мир, где он и описал свой Гнозис во имя пользы для избранных - Священного Семени Сифа.

Между прочим, именно этот трактат мог оказаться той самой "Книгой Зороастра" (ведь, пройдя, возможно, через многоязыковую систему переводов, ему "не трудно" было сменить название - с "Книги" на "Учение") или же, по крайней мере, очень схожей с ней по содержанию книгой, к которой Иисус рекомендовал Иоанну обратиться в конце "Апокрифа Иоанна" для выяснения подробностей сотворения низшего мира архонтами (точнее, для выяснения ИМЕН этих архонтов). Эта книга, будучи уже относительно поздней, вполне могла вобрать в себя элементы эзотерически воспринятого иудаизма и даже зачаточного христианства (потому что в тексте мы встречаем и архангела Гавриила, и Софию, и много кого еще) и неоплатонизма (о котором чуть ниже). В таком случае, злая ирония судьбы заключалась бы даже не в том, что "Апокриф Иоанна" дошел до нас в четырех разных копиях, а "Книга Зороастра", на которую он ссылается - ни в одной, но в том, что дошедшая до нас единственная копия чего-то подобного рекомендованному Иоанну Иисусом не сохранилась именно в тех местах, которые были бы нам наиболее интересны с точки зрения восстановления "естественных лакун" главного текста нашей Традиции - самого "Апокрифа Иоанна". Ситуация могла бы оказаться симметричной и в ином смысле: в "Зостриане" присутствуют лишь отголоски т.н. "софийного мифа", на котором, в сущности, базируется вся та драма, что лежит в основе "Апокрифа Иоанна". Читаем в тексте, испещренном лакунами: "Когда же София взглянула на них, она породила Тьму". И далее, уже, очевидно, про Первого Архонта, порожденного ей (Иалдабаофа Апокрифа Иоанна): "Он узрел Отражение. По отношению к Отражению, которое он узрел в

нём, он сотворил мир. С Отражением Отражения работал он, творя мир. А затем даже Отражение, принадлежащее видимой реальности, было взято в обмен на её (т.е. Софии) покаяние. Так, в ней не было Главного Отражения, чистого в своём опережении. После того, как они уже начали быть через него, он использовал своё воображение (и) сотворил Напоминание, ибо Образ Софии всегда был утерян из-за того, что её лик лгал. Но Архонт [возгордился] и сотворил тело, которое [бледно] относительно Более Великого..."

Философские позиции трактата становятся ясными из того, как в нём используются проблемы, категории и понятия, лучше всего известные нам по неоплатонической школе Плотина. Особый интерес вызывает идентификация трёх эонов Барбело с философской триадой "Сущее - Разум - Жизнь" (Калиптос - Протофанес - Аутогенэс). Эти и другие отсылки почти не позволяют усомниться в том, что это и есть трактат, отмеченный Порфирием (Vit.Plot.,16) как один из "подложных" и лишь неоправданно приписывавшихся платонической традиции апокалипсисов, имевших хождение во времена Плотина и отосланных им его ученику Амелию для опровержения. В конце трактата Зостриан произносит проповедь, призывая читателей трактата отречься от этого тягостного, гнетущего мира и добиваться спасения через Гнозис. Эти строки очень поэтично окрашены, послушайте: "Знайте же (вы), те, которые живое и святое Семя Сифа. Не [выказывайте] мне неповиновение. [Пробуждайте] вашу божественную часть к Богу и, ради вашей же безгрешной избранной души, усиливайте её. Узрите же здесь смерть и разыщите непреложную не-тварность [Отца] Всех И Вся. Он призывает вас, тогда как они бранят вас. Хотя они плохо обходятся с вами, он не оставит вас. Не крестите же себя смертью и не верьте тем, кто ниже вас вместо тех, кто лучше. Избегайте безумия и уз женственности и выбирайте для себя спасение мужественности. Вы пришли не страдать, (но), быть может, вы пришли отделаться от вашего рабства. Освободите же себя; и то, что было связано, будет развязано вами. Спасайтесь, чтобы и душа ваша могла спастись. Добрый Отец послал вам Спасителя и дал вам Силу. Почему же вы колеблетесь? Ищите, когда вы нашли; когда же призваны вы, слушайте, ибо коротко время. Не позволяйте сбить себя с пути истинного. Эон Эонов Живых велик, (также как) [кара] тех, кто не уверовал. Множество уз и девственников окружают вас. Бегите же быстрее, пока смерть не настигла вас. Смотрите на Свет. Избегайте Тьмы. Не будьте вводимы в заблуждение ради сокрушения вашего".

"Марсан" является текстом гораздо более коротким, чем "Зостриан", но, увы, отнюдь не лучше него сохранившимся. Его космология и метафизика, судя по всему, очень схожа с космологией и метафизикой "Зостриана", с той разницей, что в тексте подробно описана система т.н. 13-ти Печатей (несмотря на напрашивающуюся аналогию с 12-ю зонами Плеромы + Серединой "психиков" это не так, ибо первые три Печати принадлежат "плотскому и материальному", и лишь дальше начинается восхождение, например, четвертая печать имеет отношение к тем, кто уже ступили на путь Знания, и - далее цитирую текст - "Пятая относится к преобразению тех, которые внутри меня и к обитающим в этом Месте. Но Шестая, касающаяся Само-Порождённых, относится к нетелесному существу, живущему лишь частично вместе с существующими в Истине Всего [...] во имя понимания и уверения. А Седьмая относится к Само-Порождённой Силе, являющейся Третьей Совершенной [...] Четвёртой, касающейся Спасения и Мудрости. А Восьмая относится к Разуму - Мужскому, который проявился в самом начале - и касается Бытия, являющегося нетелесным и умопостигаемым миром. Девятая [...] - от Силы, [которая] проявилась в самом начале. Десятая, относящаяся к Барбело, Девственному [...] Эону. Одиннадцатая и Двенадцатая говорят о Невидимом, обладающем Тремя Силами, и о Духе, не имеющем бытия и принадлежащем к Первой Непорождённой. Тринадцатая говорит о Безмолвном - который не был познан - и о первенстве того, кто не был различен".

Кроме того, в тексте весьма подробно разбираются всякого рода буквенно-нумерологические соответствия, что говорит, очевидно, и об интересе авторов трактата к магическим практикам: в этой части трактат содержит в себе материал о мистическом значении букв алфавита и об их связи как с человеческой душой, так и с именами Богов и Ангелов зодиакальных созвездий и прочих Небесных Сфер. Загадочные ссылки в тексте на "гневные образы" и "изумрудное подобие" напоминает учение Ямвлиха об использовании камней, растений и т.п. в теургическом ритуале. Даже ссылки на крещение должны быть поняты в их связи с ритуалом восхождения (как, вероятнее всего, и в Зостриане). Кроме того, помимо Троеильного Невидимого Духа в тексте также фигурирует Безмолвный, то есть, очевидно, Отец. Вот как

описывается в тексте сложная система взаимодействий между Безмолвным и Троесильным: "Но после всего этого ищущий Царствие Троесильного, не имеющего начала. Где же проявился и действовал он, чтобы наделить своей Силой Полное Место? И как начали быть Непорождённые, ведь они не были порождены? И чем являются различия между Эонами? А что касается Непорождённых, то сколько их? И как именно отличаются они друг от друга? Когда я спрашивал обо всем этом, я постиг, что он трудился из Безмолвия. Он от начала сущий среди истинно сущих, принадлежащих Тому, Кто сущий. Есть и другой, сущий от Начала, принадлежащий трудящемуся внутри Безмолвного. И Безмолвие [...] его работает. Ибо также много, как этот [...], что он действует из Безмолвия, принадлежащего Непорождённому Среди Эонов, и от Начала нет у него бытия. Но Энергия его - Троесильный, не порождённый прежде Эона, не имеющий бытия. И можно даже узреть Верховенство Тишины Безмолвного, то есть Верховенство Энергии Троесильного. И тот, который сущий, который безмолвен, который над Небесами [...], открыл Троесильного, Первого Совершенного".

Однако необходимо дать о трактате информацию более общего порядка. Марсан - имя гностического пророка, известного и из двух других источников: в "Книге Великий Отца" из Кодекса Брюса встречаются имена Марсиан и Никофей (гл. 7). Епифаний Саламский отмечает среди пророков, проповедовавших гностическими архонтиками, "неких Мартиада и Марсиана, которые были вознесены на Небеса и через три дня спустились обратно" (Наг. 40.7.6). Марсиан - это, вероятно, греческий вариант Марсана. Вполне возможно, что автор трактата из Кодекса Брюса имел доступ к "Марсану". В целом наш текст, по всей видимости, является неким синтезом гностического христианства и гностицизированного неоплатонизма. Для Марсана, также как и для Ямвлиха, материя не является злом; на самом деле, она вполне способна спастись. Марсаном, как и Ямвлихом, нисхождение души в материю рассматривается не как падение, но как условие для реализации её демиургических функций. Доктрина эта основана на платоновском диалоге о душе и её нисхождении (см. Тимей, 41a - 42b).

Что касается "Аллогена" (Allogenes - странник по-гречески), то более краткий вариант этого текста сохранился также в Кодексе Чакас (в том самом, где содержится "Евангелие Иуды"), но нас интересует более полная версия, содержащаяся в корпусе Наг-Хаммади.

Хотя "Аллоген" и представляет собой единое толкование Откровения, его всё же можно разбить на две части. Часть I (45 -57) на первый план выдвигает пять откровений женского божества Юэль (Иуэль) Аллогену. Её Откровения являются развернутыми космологическими описаниями Божественных Сил, в частности, Эона Барбело. Часть II (57-69) уже более философским и возвышенно-поэтическим языком описывает "восхождение Аллогена" как прогрессивное Откровение Небесных Светил:

"Когда же Плерома Эона (здесь - века) приблизилась, она принесла мне благословение Вечной Надежды, полное благоприятствования. Я узрел Благого Божественного Аутоген'а и Спасителя - юного Совершенного Троемужеского Ребёнка - и Доброту его, Умственного Совершенного Протофанеса-Хармедона, и Благодать Калиптоса, и Первый Источник Благодати, Эон Барбело, полный Божественности, и Первоисточник Того, Кто вне Источника, духовного, невидимого Троесильного, Вселенского, который превышает совершенного. Когда же я взят был Вечным Светом Одевания, бывшего на мне, и взят в Святое Место, чьё Подобие не может быть открыто миру, тогда через благодать великую и узрел я всех тех, о ком услышал. И возблагодарил я всех их, и я стоял на знании своём, и я склонялся к знанию Вселенских, Эона Барбело. И узрел я Святые Силы - через Светила Девственного Мужского Барбело - говорящие мне, что я был бы способен оценить происходящее в мире сем: "О, Аллоген, узри же благодать свою, как тихо она блюдет тебя, через которую знаешь ты надлежащее тебе и, в поисках себя, удаляйся в Жизненность, которую ты увидишь движущейся. И хотя тебе будет не выстоять, ничего не бойся. Но если ты хочешь выстоять, удались к Сущему, и ты найдёшь её, стоящую в покое за Подобием того, кто истинно в покое и кто тихо и недеятельно охватывает их всех. И когда ты получишь его откровение через Первооткровение Неизвестного - того, которого если бы ты и смог познать, то не изведаль бы - и убоишься в этом Месте, тогда удались из-за Деяний в тыл. И когда станешь ты совершенным в этом Месте - то всё ещё сам по себе. А в соответствии с Образчиком, пребывающем в тебе, ты сможешь узнать также, что именно таким образом пребывают во всех подобных состояниях

вслед за этим самым Образчиком. И далее не расточай себя, чтобы ты сумел выстоять, и не желай быть деятельным, чтобы не выпасть каким-либо образом из состояния Неведомого в тебе - недеяния. Не познавай его, ибо это невозможно, но если просветлённой мыслью ты смог познать его, пребывай о нём в неведении".

Заключительная сцена этого Откровения Небесных светил, или "Первичное Откровение Непознанного", открывает нам трансцендентного Бога как невидимую, неизмеримую, непостижимую "Духовную Невидимую Троичную Силу", которая является "лучшей из лучших" и существует парадоксальным образом как "Небытийное Сущее". Заметим в очередной раз, что мифологию Барбело можно также встретить в целом ряде гностических текстов. Однако Барбело-гностицизм "Аллогена" интересуется позитивным Откровением Божественной Реальности, а не тем, как и откуда появилось зло. Тем не менее, это откровение вполне "гностично", поскольку описывает Плерому таким же образом, как и другие гностические кодексы.

Часть II "Аллогена" также имеет некие параллели с "Апокрифом Иоанна" в части целого страничного описания Трансцендентного Бога в апофатических терминах. Но "Аллоген", опять же, выделяется из этой традиции (также, как и "Зостриан", и "Три Стелы Сифа") представлением этого знания ритуалом восхождения - методом, схожим с методом герметического гнозиса ("Поймандр", 24-26; "Рассуждение об Огдоаде и Эннеаде" из корпуса Наг-Хаммади). Предполагая, что читатель уже достиг освобождения от зла, автор в лице Аллогена направляет его на Небесную Тропу, восхваляя Божественное, в благодать Знания, в витальные Силы Жизни и, в конечном счёте, в то Бытие, которое есть Не-Бытие. Ритуалы восхождения Герметизма время от времени отсылают нас к правилам общинной жизни, и Три Стелы Сифа по-разному упоминают Первую Личность при восхвалении Бога на каждом уровне восхождения. Однако поучения здесь произносятся в адрес той единственной личности, которая их читает и может истолковать их как самопомощь в её индивидуальном поиске Бога.

Не только гностики тщательно заимствуют многие свои философские воззрения у платонизма, но и сами платоники и неоплатоники увеличили свои ряды за счёт представителей гностических школ как своих соперников. И хотя Плотин в собственном трактате "Против гностиков" высмеивал их дуализм, культ и жаргон, кажется, что абсолютно монистические гностики "Аллогена" - это как раз те, кто всего более оспаривают именно высмеянные позиции. Они наделяют атрибутами Откровения те истины, о которых Плотин говорит, что они были извлечены им у самого Платона.

Трактатами из Наг-Хаммади, рассмотренными в последних лекциях, не ограничивается всё разнообразие текстового наследия раннехристианского Гнозиса, мы лишь обозначили ряд позиций, существующих в Кодексах этой Библиотеки. В следующих лекциях речь пойдет о более поздних гностических текстах, найденных, однако, существенно раньше этой Библиотеки - в XVIII веке.